

Хельсинкский процесс и распад Советского Союза

Аннотация: Перестройку, крушение советской идеологии и СССР можно свести к ряду причин и факторов, которые в комплексе позволяют понять совершенно непредсказуемый распад Советского Союза. Одним из таких факторов был опыт СБСЕ. Уже сразу после подписания Заключительного акта в 1975 г. хельсинкский процесс вопреки оптимизму советского руководства начал сказываться деструктивным образом на политической системе страны. Выработанный на общеевропейском уровне кодекс поведения государств в условиях мира между собой, а также по отношению к своим гражданам вызвал далеко отдававшееся эхо как в западной, так и в советской общественности – несмотря на критику и сомнения западного сообщества в начале 1970-х гг. Если до прихода Горбачева к власти оглашение новых принципов и требование их выполнения оставались делом диссидентского движения, которое подвергалось репрессиям, а сам хельсинкский процесс выступал, скорее, как форум политико-пропагандистской конфронтации между Востоком и Западом, то с началом перестройки международные обязательства стали приобретать всеобщую огласку и действенность в Союзе, а СБСЕ стало одним из приоритетных направлений советской внешней политики. Либерализация общественной жизни в СССР (амнистии политических заключенных, прекращение преследования инакомыслящих, информационная и эмиграционная политика) и пополнение понятия безопасности гуманитарными параметрами уходили своими корнями к хельсинкскому процессу и легитимизировались данными в его рамках обязательствами. Историческое значение при этом имела Венская встреча СБСЕ с инициативой Кремля о созыве в Москве конференции по правам человека, которая наряду с принятыми новыми обязательствами инструментализировалась обществом и новым руководством для дальнейшей демократизации страны. Благодаря СБСЕ в СССР была решена масса конкретных гуманитарных вопросов и принят ряд законов на пути к правовому государству. Под влиянием хельсинкского процесса происходило внедрение демократических западно-либеральных принципов в советскую политическую и идеологическую жизнь, что привело, в свою очередь, к кризису идеологии и в совокупности с другими факторами – крушению СССР. Глобальное же историческое значение хельсинкского процесса заключалось в преодолении идеологических штампов, деидеологизации международных отношений и признании универсальности прав человека, а также легитимности их международной защиты. Именно в результате хельсинкского процесса права человека стали составной частью дипломатических отношений. В конечном счете все это и послужило предпосылкой для завершения холодной войны.

Ключевые слова: СБСЕ, Заключительный акт СБСЕ, хельсинкский процесс, Советский Союз, права человека, правозащитное движение, Московская Хельсинкская группа, Михаил Сергеевич Горбачев, перестройка, гласность.

Annotation: The Perestroika, the collapse of the Soviet ideology and of the USSR can be associated with a series of causes and factors that in sum permit to understand the completely unpredictable fall of the Soviet Union. One of these factors was the CSCE experiment. Already immediately after the signing of the Final act in 1975, the Helsinki process, in spite of the optimism of the Soviet leaders, began to affect the political system of the country in a destructive manner. The code of conduct for governments in a state of peace with each other and in relation to their citizens was developed on a global European level and had a far-reaching echo in Western society, as well as in the Soviet one – despite the criticism and doubt of the Western community at the beginning of the 1970s. If before the coming to power of Gorbachev the proclamation of new principles and the demand for their implementation remained an issue only for the dissident movement, which was subjected to repression, while the Helsinki process acted rather like a forum for the political and propagandistic confrontation between the East and the West, then with the beginning of the Perestroika the international obligations began to have widespread voicing and activity in the Union with the CSCE becoming one of the priority directions of the Soviet foreign policy. The liberalisation of social life in the USSR (amnesty of political prisoners, cessation of dissident persecutions, informational and emigrational policies) and the addition of humanitarian aspects to the concept of homeland security had their roots in the Helsinki process and

Настоящая публикация основывается на исследовании: von Saal, Yuliya. KSZE-Prozess und Perestroika in der Sowjetunion: Demokratisierung, Wertenumbruch und Auflösung. München, 2014.

legitimised the ensuing results in its framework of liabilities. At the same time the Viennese encounter of the CSCE was of great historical significance with the Kremlin put forward the initiative to assemble a conference on human rights in Moscow which, along with other accepted new obligations, was used by society and the new leaders for the further democratisation of the country. Because of the CSCE the USSR solved a number of humanitarian questions and passed a series of laws aimed towards becoming a constitutional state. Under the influence of the Helsinki process the democratic Western-liberal principles penetrated the Soviet political and ideological life which, in turn, led to an ideological crisis and in conjunction with other factors – to the fall of the USSR. The global historical significance of the Helsinki process consisted in its overcoming ideological marks, the de-ideologisation of international relations and the recognition of the universality of human rights, as well as the legitimacy of these rights' international protection. It was precisely as a result of the Helsinki process that human rights became a constituent part of diplomatic relations. Ultimately this all served as the precondition for the end of the Cold War.

Key words: CSCE, CSCE Final act, Helsinki process, Soviet Union, human rights, human rights movement, Moscow Helsinki group, Mikhail Sergeyevich Gorbachev, Perestroika, Openness.

Подписывая вместе с руководителями 32 европейских государств, США и Канады 1 августа 1975 г. в хельсинкском дворце «Финляндия» Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), руководство Советского Союза в лице Леонида Брежнева не видело в принятых на себя обязательствах большого риска и не предполагало, что начатый в Хельсинки общеевропейский процесс окажется столь деструктивным для СССР [22; 23; 24; 64; 73; 89; 93; 94; 101; 114]. Критики конференции (Михаил Сулов, Николай Подгорный, шеф КГБ Юрий Андропов) высказывали свои опасения, что, подписывая хельсинкский документ, Москва создает Западу благоприятные условия для вмешательства во внутренние дела СССР. Однако сторонники подписания документа (Андрей Громико, Леонид Брежнев) оправдывали новые договоренности (прежде всего подтверждение послевоенных границ) как выигрышные для СССР, ссылаясь на то, что Москва остается все же «хозяином в своем доме» [20, 333]. Обще-европейское совещание уходило корнями еще в 1950-е гг., когда Советский Союз безуспешно предлагал Западу договориться о системе коллективной безопасности, а Заключительный акт был результатом долгих переговоров стран Запада с представителями Восточного блока, состоявшихся на волне разрядки и обещавших тем самым дать новый стимул для ее углубления. Основопологающими становились в этом процессе провозглашенные в заключительном документе 10 принципов взаимоотношений между государствами и договоренности по так называемым трем «корзинам». Конкретно государства-участники договорились соблюдать следующие принципы: 1) суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; 2) неприменение силы или угрозы силой против территориаль-

ной целостности или политической независимости любого государства; 3) нерушимость границ друг друга; 4) территориальная целостность государств; 5) мирное урегулирование споров; 6) невмешательство во внутренние дела; 7) уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений; 8) равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; 9) сотрудничество между государствами; 10) добросовестное выполнение обязательств по международному праву. Кроме того, в Хельсинки были согласованы меры по укреплению доверия в военно-политической, экономической (согласование основных сфер сотрудничества в области экономики, науки, техники и защиты окружающей среды) и гуманитарной областях. При этом стоит отметить, что именно согласование обязательств в третьей «корзине», особенно по вопросам свободы передвижения и контактов, было уникальным новшеством международных соглашений, впервые расширяющим понятие «безопасность» из чисто военно-политического на гуманитарные аспекты. И именно переговоры по третьей «корзине» проходили долго и конфронтационно. Если Москва стремилась прежде всего утвердить нерушимость границ в том виде, как они сложились после войны, то Запад, соглашаясь на это, ставил задачу сделать эти границы открытыми как для населения, так и для идей, пытаясь также обеспечить прозрачность военной сферы. Подписанный в конце концов документ был приемлем как для Запада, так и для Востока; он во многом шел дальше других международных соглашений и деклараций, но с точки зрения международного права не являлся юридически обязательным. Советский Союз даже и не думал соблюдать новые обязательства, акцентируя военно-политическую составляющую СБСЕ и ссылаясь на принцип невмешательства во внутренние дела других

государств. Военно-политические результаты переговоров представлялись Москвой своего рода эквивалентом послевоенному мирному договору и соответственно огромной победой, а Леонид Брежнев – признанным мировым лидером, сумевшим поставить точку под итогами Второй мировой войны. Но, как показывает история, победа Кремля оказалась пирровой. Вскоре после подписания соглашений СССР столкнулся с требованиями как со стороны своих собственных граждан, так и со стороны западных правительств и общественности соблюдать принятые на себя обязательства, особенно в области прав человека и основных свобод. Так, в 1976 г. в СССР правозащитниками была основана Московская Хельсинкская группа (МХГ), провозгласившая целью своей работы контроль над выполнением гуманитарных статей хельсинкских соглашений. МХГ стала принимать от граждан СССР информацию о нарушениях гуманитарных статей, составлять на этой основе свои документы и доводить их до сведения общественности и правительств 35 государств, подписавших Заключительный акт совещания в Хельсинки. По примеру МХГ в 1976–1977 гг. были созданы аналогичные группы на Украине, в Литве, Грузии и Армении. Сообщения о деятельности МХГ и репрессиях против ее членов были в центре внимания западных средств массовой информации и обсуждались на последующих СБСЕ-встречах западными дипломатами. Создание МХГ положило начало международному хельсинкскому движению, которое ныне состоит из 37 аналогичных правозащитных организаций в 37 странах – партнерах по хельсинкским соглашениям [1; 83; 110]. Хельсинкский же процесс все больше стал превращаться в конфронтационный форум холодной войны и в инструмент постоянного давления на Москву. В течение следующих 10 лет, в особенности на последующих встречах представителей государств – участников СБСЕ в Белграде (1977–1978) и Мадриде (1980–1983), Москва была вынуждена занять оборонительные позиции и даже идти на некоторые новые уступки в области прав человека [23, 115–218; 70; 89; 113]. В то же время за этот период на общеевропейских переговорах утвердилась практика обсуждения выполнения принятых на себя обязательств, а права человека стали их главным предметом. Такой «перекос» хельсинкского процесса в сторону прав человека с одновременно возникшим международным хельсинкским движением делал гласным отсут-

ствие законности в советском режиме, ставил под вопрос его легитимность, а вместе с этим и догмы коммунистической идеологии. Но только с приходом Михаила Горбачева в 1985 г. к власти и началом перестройки делегитимизация советской системы стала очевидной для советских граждан, что в конечном счете послужило предпосылкой для краха советской империи.

В историографии феномен распада СССР уже рассматривался с различных точек зрения и подходов. Среди главных причин приводятся гонка вооружений, диспропорции экстенсивной плановой экономики с кризисом доверия к советской экономической системе, социальная и имперская «перерастяжка» (overstretch) Союза или просто фактор Горбачева. Но практически не рассматривалась до сих пор (за исключением работ Загорского и Томаса [23; 110]) причинно-следственная связь между распадом СССР и общеевропейским хельсинкским процессом, который именно с приходом Горбачева был интенсифицирован и приобрел совершенно новое значение для Кремля. Данная статья обращает внимание на фактор СБСЕ в «новом политическом мышлении» и реформах Горбачева, а также на роль общеевропейских переговоров в процессе внедрения западно-либеральных норм в советскую политическую и идеологическую жизнь и на их последствия. Как будет показано, хельсинкский процесс оказался не только конструктивным для догм коммунистической идеологии, но и стал одним из эффективных элементов и рычагов демократизации в СССР, своего рода внешнеполитической подстраховкой для перестройки, проложив, таким образом, путь и для распада советской империи.

Горбачев-фактор и «новое мышление»

Заняв пост генерального секретаря ЦК КПСС в марте 1985 г., Михаил Горбачев стал руководителем страны, которая находилась в состоянии двойного кризиса. Экономика ухудшалась с такой скоростью, что Союз уже в начале 1980-х был не в состоянии обеспечивать население даже элементарными объектами соцкультбыта, уровень жизни заметно падал [66; 68; 75; 86]. Экономический кризис усиливался, в свою очередь, под воздействием напряженности в отношениях между Востоком и Западом и бешеной гонки вооружений с блоком НАТО, т. к. громадные материальные, научно-технические, людские и интеллектуальные ресурсы страны расходовались

не на развитие экономики, не на улучшение жизни народа, а на производство военной техники. Горбачев довольно трезво оценивал данную экономическую и политическую ситуацию и понимал, что «как внутри страны, так и на международной арене “дальше так жить нельзя”» [18, кн. 2, 7]. Он осознавал, что внутренние реформы не осуществить без улучшения отношений с Западом, но все же еще не располагал ясной программой политических и экономических преобразований. Начатый после апрельского Пленума ЦК КПСС (1985) и утвержденный на XXVII съезде партии (февраль, 1986) курс страны на переменны проходил под лозунгом «ускорение научно-технического прогресса» и ограничивался мерами по повышению дисциплины, борьбе с алкоголизмом и коррупцией, ужесточению управления и реорганизации бюрократического аппарата. Речь шла не о фундаментальных реформах, а о совершенствовании системы административными мерами под знаменем «назад к ленинским нормам». Таким образом, до начала 1987 г. внутриполитические преобразования представляли собой продолжение экономической политики Юрия Андропова: они носили апелляционный характер, оставались ограниченными и малоэффективными. Однако по сравнению со своими предшественниками Горбачев понимал важность мотивации и участия общества в социально-экономических реформах. Уже на XXVII съезде партии в 1986 г. в докладе Горбачева появились тема гласности и постановка задачи активизировать «человеческий фактор». И хотя на данном этапе перестройки гласность еще не означала свободы слова, а рассматривалась прежде всего как рычаг против бюрократии, противоборствовавшей горбачевской программе реформ, и имела своей целью пропаганду политики перемен, но именно гласность, «человеческий фактор» и «новое мышление» стали подлинным новшеством горбачевского периода, имевшим далеко идущие последствия как для страны, так и для всего мира.

В то время как внутриполитические преобразования вплоть до 1987 г. оставались половинчатыми и малоэффективными, изменения во внешней политике, направленные прежде всего на прекращение гонки вооружений и ослабление вызванной ею международной напряженности, имели уже более решительный характер. Первым шагом стал поиск диалога с Соединенными Штатами о контроле над вооружениями. Уже осенью 1985 г. в Женеве состоялась встреча Горбачева с консервативным американским пре-

зидентом Рональдом Рейганом, назвавшим Советский Союз «империей зла». Эта встреча, как и последующая в Рейкьявике в октябре 1986 г., проходила в еще заидеологизированной атмосфере. И из-за отказа Рейгана ставить под вопрос начатую в 1983 г. Стратегическую оборонную инициативу (СОИ – программу научно-исследовательских работ, направленных на разработку широкомасштабной системы противоракетной обороны с элементами космического базирования) обе они закончились без каких-либо конкретных результатов; начало советско-американских переговоров все же стало важным сигналом перемен. Кроме того, уже тогда эти встречи, на которых американская сторона ребром ставила вопрос о правах человека, дали Горбачеву понять, что без изменений в этой области улучшения отношений с Западом маловероятны [18, кн. 2, 11–33]. Именно под их воздействием началась переоценка задач советской международной политики и ценностей [28, 192; 111, 103, 117], на которых выстраивалась политика «нового мышления». Спустя две недели после саммита в исландской столице, на встрече с участниками Иссък-Кульского форума, проведенного по инициативе Чингиза Айтматова, Горбачев высказал мысль о «приоритетности интересов <...> общечеловеческих ценностей над интересами того или иного класса» [18, кн. 2, 33]. Гуманистические идеи, еще недавно критикуемые в СССР как антикоммунистические, стали появляться в официальной печати, в выступлениях Горбачева и его команды. Так, Юрий Жданов, член Академии наук, в марте 1987 г. в партийной газете «Правда», развивая мысль об универсальном характере свободы каждого человека, об абсолютной ценности человеческой жизни, поставил тем самым индивидуума над коллективом [51, 6.03.1987; 2, 25.06.1987, 21.11.1987]. Одновременно начала наполняться конкретным содержанием и употребляемая Горбачевым метафора «общего европейского дома». Данная концепция делала акцент на целостность, взаимосвязь и взаимозависимость государств, принадлежащих к разным социальным системам, не исключая Америку. Тем самым подчеркивались искусственный характер конфронтации блоков и необходимость коллективного сохранения «европейского дома» на основе уже имеющихся общих норм и ценностей [17, 203–208; 99; 100]. Идейным фундаментом общего дома выступали Заключительный акт и хельсинкский процесс, в возобновлении которого Горбачев видел воз-

возможность укрепления доверия с Западом, мира и сотрудничества, а также некий ключ для решения отдельных внутривосточных задач. Таким образом, «новое мышление» несло с собой переоценку СБСЕ и прежней общеевропейской политики Советского Союза. Ее следствием стало взятие курса на углубление хельсинкского процесса и развитие в его рамках гуманитарного сотрудничества.

Пробуждение «духа Хельсинки»: от Оттавы к Вене и дальше в Москву

Бесспорно, первым признаком отхода от прежней внешней политики стала замена министра иностранных дел Андрея Громыко совершенно незаметным в международных отношениях партийным боссом Советской Грузии Эдуардом Шеварднадзе в июле 1985 г. Его дебютом на мировой политической арене стала встреча министров иностранных дел Европы и Северной Америки в Хельсинки, посвященная 10-летию подписания Заключительного акта странами – участниками СБСЕ. Несмотря на то что Стокгольмская конференция по мерам доверия и безопасности в Европе, открывшаяся еще в начале 1984 г., проходила в конфронтационной атмосфере и без каких-либо результатов, а хельсинкский процесс, казался бы, затухал, советская делегация во главе с Шеварднадзе оказалась «приятным сюрпризом» для американцев. «Существо советской политики еще не изменилось, но способ ее выражения стал совершенно другим», – вспоминает присутствовавший на той встрече как представитель Совета национальной безопасности США Джек Мэтлок [95, 72; 59, 115–117]. Конечно, Москва еще только начинала пересматривать свою прежнюю внешнюю политику и не была готова к серьезному диалогу по правам человека, пропагандируя их социалистическое толкование и привлекательность своей политической системы. («Социалистическая концепция» толковала права человека как социальное и классовое понятие и утверждала, что прирожденных прав вне общества или независимо от него не существует. Индивидуум отождествлялся с коллективом, а универсальный характер прав человека отвергался как нечто абстрактное [33].) Но кадровые изменения, проведенные Горбачевым, и манера поведения советской делегации на последующих общеевропейских встречах уже сигнализировали о новом подходе. Если совещание экспертов в Оттаве (май–июнь

1985 г.), впервые посвященное исключительно правам человека, проходило в атмосфере «психологической войны» – советская делегация, руководствуясь четкими директивами [50] со времен Громыко и Константина Черненко размером в 8 листов, которые обязывали делегацию вести пропаганду «социалистического стиля жизни» и социалистической концепции прав человека, пыталась обвинить западные страны в нарушении социальных, экономических и культурных прав, – то уже год спустя на общеевропейской встрече по контактам между людьми в Берне (апрель–июнь 1986 г.) нельзя было не заметить изменений в позиции Союза. Советской делегации, во главе которой стоял дипломат «нового поколения» [115, 55] Юрий Кашлев, были даны гибкие директивы, позволяющие ей идти на ранее немыслимые шаги и решения и придерживаться более конструктивной линии [27, 192]. Впервые представители СССР перестали прятаться за принцип невмешательства во внутренние дела, стали отвечать на задававшиеся им в процессе обсуждения выполнения хельсинкских договоренностей вопросы и даже встречать группы правозащитников и еврейских организаций, а также принимать списки политических заключенных и «отказников». Параллельно за время совещания были рассмотрены и решены несколько десятков конкретных вопросов. Но, несмотря на все эти новшества и уступки и вопреки даже неожиданному решению МИДа предоставить своим американским коллегам в последний день совещания список с 36 советскими гражданами, которым было дано разрешение на выезд из страны [97, 154], бернское совещание закончилось провалом. Делегации 34 стран согласовали и приняли итоговый документ, и только американская сторона во главе с Майклом Новаком его отвергла, оправдывая это решение весьма слабыми по сравнению с Заключительным актом договоренностями в облегчении контактов между людьми. Итак, Запад, и прежде всего США, еще не доверяли новой риторике советского правительства и не знали, насколько глубокими и последовательными будут начавшиеся в стране перемены. Особенно США отвергали ввиду достигнутого прогресса в области безопасности любые «косметические» договоренности в сфере прав человека – чтобы не нарушить сбалансированность хельсинкского процесса [90; 97; 106].

Несмотря на провал бернской встречи, Москва продолжала корректировать свою внеш-

неполитическую линию. Так, благодаря компромиссной позиции СССР на Стокгольмской конференции по мерам доверия и безопасности в Европе в сентябре 1986 г. странам – участницам СБСЕ удалось достичь существенных соглашений в сфере военной разрядки. Подписанный в Стокгольме документ включал договоренности о неприменении силы или угрозы силой и содержал такие необычные меры по укреплению доверия и безопасности в Европе, как предварительное уведомление об определенных видах военной деятельности, обмен ежегодными планами всей военной деятельности и инспекции на местах [74].

Важным шагом в политике «нового мышления» стало выступление Горбачева на встрече всех советских дипломатов в МИДе 23 мая 1986 г., которая состоялась неслучайно за три дня до закрытия бернского совещания. В своем остром докладе, посвященном перестройке советской дипломатической службы, генсек подверг критике прежнюю внешнюю политику Союза и ограниченность советских дипломатов, у многих из которых «при упоминании самих слов “права человека” порой срабатывает рефлекс “сжеживания”» [10, 4–6; 84, 182–200]. Подчеркивая двустороннюю связь внешней и внутренней политики, Горбачев отметил важность работы на европейском направлении и потребовал «коренного переосмысления» подхода к гуманитарным вопросам, предполагающего и смелость дипломатов свободно обсуждать с Западом темы прав человека. Последовавшие за этим выступлением кадровые перемены коснулись 60 советских послов, которые были смещены со своих постов. К середине 1987 г. из 117 послов 68 были новоназначенными [96, 54]. В своем докладе Горбачев также отметил важность предстоящей встречи представителей государств – участников СБСЕ в Вене, призывая МИД проявить там «смелость». Что именно понимал Горбачев под «смелостью», раскрывают директивы, которыми советская делегация во главе с упомянутым Кашлевым должна была руководствоваться. Конкретно они ставили следующие задачи: углубление хельсинкского процесса; усиление военно-разрушенческого аспекта с продолжением тематики Стокгольмской конференции; достижение договоренностей по второй «корзине» (экономика, торговля, техника) в интересах СССР и преодоление застоя в гуманитарной сфере, которую необходимо было привести «в плоскость конструктивного взаимодействия государств в

духе демократизации и гласности» [27, 194; 28, 86]. Таким образом, интересы советской СБСЕ-политики уже в 1986 г. стали пересматриваться, а сам общеевропейский процесс превратился в одно из приоритетных направлений советской внешней политики [28, 194].

Открытие форума СБСЕ в Вене (4 ноября 1986 г.) проходило действительно в необычайно конструктивной, но все еще противоречивой обстановке [23, 237–295; 89, 213–275; 82]. К началу встречи американская комиссия по СБСЕ опубликовала детальный обзор по состоянию дел, касающихся соблюдения прав человека, в котором констатировалось ухудшение положения в этой области в СССР и других странах Варшавского договора [67; 46]. Ввиду продолжавшихся нарушений хельсинкских обязательств большинство западных стран с самого начала заняло жесткие позиции, решив добиваться на встрече в Вене не новых договоренностей, а имплементации старых, а также баланса между «корзинами» СБСЕ. Тем не менее советская делегация продолжала удивлять своим новым стилем и необычными заявлениями. На открытии встречи Шеварднадзе в своей речи хотя и не обошелся без традиционной критики США, останавливаясь подробно также на вопросах военной безопасности, но внимательный слушатель уже не мог не заметить изменений в советском понятии «всеобъемлющей безопасности». Заявление министра иностранных дел СССР о том, что три «корзины» хельсинкских договоренностей – это составные части предложенной концепции безопасности, которая включает в себя и политические, и материальные, и организационные структуры сохранения мира, говорило о принятии идеи взаимосвязанности СБСЕ, а также о пополнении понятия безопасности гуманитарными параметрами. Кроме того, Шеварднадзе сделал необычное заявление о том, что «Советский Союз придает важнейшее значение седьмому принципу Заключительного акта об уважении прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений», и предложил провести в Москве отдельный форум, посвященный исключительно проблемам гуманитарного сотрудничества [15, 447]. В дополнение к этим обращениям советская делегация сопровождала открытие встречи в Вене пресс-конференциями для журналистов, на одной из которых Кашлев заверял, что «наша страна готова обсуждать на венской встрече любые вопросы, для нее не существует

запретных тем» [51, 30.10.1986]. В знак доказательства этого утверждения представители СССР шли на встречи с неправительственными правозащитными организациями и выходцами из Советского Союза, выслушивая их жалобы и обещая посодействовать решению их вопросов [53, 7.11.1986, 14.11.1986; 89, 227].

К новой риторике советских представителей делегации западных стран относились со скепсисом, воспринимая ее как пропаганду. Таковым казалось и выступление первого заместителя министра иностранных дел СССР Анатолия Ковалева 10 декабря, в Международный день прав человека, с повторным предложением провести общеевропейскую конференцию по гуманитарному сотрудничеству в Москве и обещанием организовать ее «в соответствии с международными стандартами», не противопоставляя социальные права политическим и гражданским [15]. Ввиду ухудшения положения в области прав человека в СССР это предложение казалось и комментировалось не только как «сюрреалистическое», но и как особо циничное – всего за два дня до него в результате голодовки скончался знаменитый правозащитник, член МХГ Анатолий Марченко, отбывавший свой срок по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») в лагере строгого режима в Чистополе. Когда глава американской делегации Уоррен Циммерман на пленарном заседании 12 декабря объявил минуту молчания, советская делегация в знак протеста покинула зал [82, 9].

Таким образом, неординарная инициатива Советского Союза пока всерьез не воспринималась. Тем более что за, казалось бы, конструктивным открытием встречи последовали пленарные заседания с обсуждением выполнений хельсинкских и мадридских договоренностей, где делегации, особенно США, Великобритании и Канады, поставив перед собой задачу добиться решения максимального числа гуманитарных вопросов, поднимали проблему нарушений прав человека в СССР, а советские представители отвергали критику в свой адрес, отвечая контробвинениями. Москва не возвращалась к своему предложению по проведению СБСЕ-конференции у себя в стране до середины 1987 г. [76; 77; 78; 79], создавая у западных коллег впечатление, что Кремль потерял всякий интерес к этой инициативе. В то время как советская делегация на втором этапе переговоров весной 1987 г. выдвигала прежде всего предложения по второй «корзине» и по продолжению перегово-

ров, начатых в Стокгольме (Стокгольм-2), а также о начале новых – по сокращению вооруженных сил и обычных вооружений от Атлантики до Урала, делегации стран Запада продолжали вносить предельно конкретные предложения по седьмому принципу и третьей «корзине» (свобода мысли, совести, религии, передвижения, роль неправительственных организаций при наблюдении за реализацией положений документов СБСЕ, вопросы воссоединения семей, защиты национальных меньшинств и т. д.). На передний план переговоров ими выдвигалась задача формирования «механизма человеческого измерения» СБСЕ, на основе которого должны были бы обсуждаться гуманитарные проблемы. Таким образом, ситуация в Вене весной 1987 г. никакого прогресса пока не обещала. Запад, наблюдая со скепсисом ограниченную либерализацию в СССР, поднимал «планку» обязательств государств в области прав человека и ждал более серьезных шагов от Москвы, стараясь при этом определить, на какие уступки она готова идти ради достижения своих целей [23, 249–254]. И только в июле 1987 г. переговоры стали приобретать новую динамику. По мнению политолога Андрея Загорского, импульсом послужили следующие три события. Во-первых, страны НАТО пошли на компромисс, предложив провести в рамках процесса СБСЕ вместо Стокгольма-2 параллельные переговоры (мероприятия по доверию и безопасности с участием 35 стран СБСЕ и переговоры в сфере обычных вооружений между делегациями 23 стран НАТО и ОВД) [23, 261–267; 91, 97–111, 116–118, 122; 115, 90–95]. Во-вторых, 24 июля советская делегация внесла рабочий документ о созыве гуманитарной конференции в Москве [107], дав точные представления о повестке дня и выдвинув ее, таким образом, в «ряд важных элементов дипломатического “торга” в Вене» [23, 257]. И в-третьих, делегации Австрии и Швейцарии внесли неофициальный документ по третьей «корзине», содержащий в сжатой форме большинство уже ранее внесенных западными странами предложений по гуманитарному измерению. Страны Варшавского договора дали принципиальное согласие вести работу на его основе, хотя и внесли ряд поправок. После такой конкретизации позиций, открывшей новые возможности дипломатического «торга», переговоры в Вене несколько сдвинулись с мертвой точки. 28 июля руководитель американской делегации Циммерман выдвинул советской стороне сформулированный

в виде 10 вопросов список условий проведения конференции в Москве [109]. Грубо говоря, он содержал две категории требований: 1) существенные изменения политики прав человека в СССР с имплементацией всех прав и свобод законом и 2) гарантии открытого характера конференции. Перечень этих условий был передан советской делегации в октябре 1987 г. Вкупе с США на имплементации ранее достигнутых договоренностей и на принятии далеко идущих новых обязательств в области прав человека настаивали и другие западные страны. Конкретно от Кремля требовали освобождения всех политических заключенных из тюрем, лагерей и психиатрических больниц, увеличения числа разрешений на выезд из СССР, прекращения глушения западных радиопередач и законодательного закрепления всех этих изменений. Первоначально отклонив эти требования как вмешательство во внутренние дела, советская делегация сигнализировала принципиальную готовность к их выполнению [2, 10.10.1987]; приняв, однако, на переговорах в Вене вновь выжидательную позицию, которая продолжалась вплоть до осени 1988 г. Несмотря на то что советская делегация уже с начала 1988 г. стала более мягко и компромиссно вести переговоры, у наблюдателей все же складывалось впечатление, что Горбачев не готов идти на ожидаемую от него глубокую либерализацию политического режима в стране и что Москва окончательно утратила интерес к проведению у себя конференции по правам человека [79; 80].

На самом же деле демократизация в СССР становилась все более радикальной и необратимой, но все еще противоречивой и половинчатой, т. к. тормозилась консервативными силами внутри аппарата. Горбачеву по мере углубления реформ приходилось все больше считаться с противниками его курса в партии и в Политбюро ЦК КПСС, где сидели представители брежневской эпохи. При этом следует отметить, что первые реформы по либерализации в СССР проходили под прямым воздействием переговоров в Вене. Приняв вербально идею о взаимосвязанности СБСЕ и выдвинув инициативу провести у себя в стране встречу, посвященную правам человека, новое руководство поставило само себе – умышленно или нет – риторическую ловушку. Имеющиеся на сегодняшний день архивные документы пока не позволяют с уверенностью подтвердить интерпретацию Кашлева и Шеварднадзе о том, что принятое в результате

«горячих дискуссий в Политбюро» «секретное решение» о предложении провести конференцию в Москве с самого начала представляло собой обдуманый стратегический ход Горбачева, чтобы использовать давление Запада в качестве рычага демократических реформ в собственной стране и выиграть одновременно доверие и поддержку со стороны западных коллег [27, 198; 59, 155]. Однако неоспоримым остается факт, что, пропагандируя «новое мышление» на словах, Москва постоянно вынуждена была доказывать достоверность своих заявлений на деле. И если в самом начале встречи в Вене действия и заявления Кремля еще имели пропагандистский характер, то в течение переговоров и по мере углубления перестройки они стали наполняться новым смыслом. Перспектива встречи стран – участниц СБСЕ в Москве, связанные с ней условия и новые обязательства в гуманитарной области переставали видаться в Кремле в качестве разменной монеты в мультilaterальных переговорах, становясь вместо этого сознательным рычагом для проведения глубоких политических реформ в стране. Международные обязательства, выражаясь словами Кашлева, стали «использоваться» новым руководством для демократизации [27, 198]. Действительно, дискуссии об имплементации прежних договоренностей в Вене повлекли за собой решение отдельных вопросов в гуманитарной сфере, в то время как разработка итогового документа и интенсивный диалог с западными представителями, прежде всего в области прав человека, способствовали проникновению и принятию западно-либеральных ценностей в СССР – с разрушительными последствиями для системы.

СБСЕ-фактор в процессе перестройки СССР

Несмотря на первоначальное оспаривание любых выпадов Запада и нежелание делать положение в области прав человека в СССР предметом дипломатических дискуссий, Горбачев и сторонники курса на демократизацию признавали право других стран на критику и понимали остроту выдвинутых в свой адрес обвинений [59, 154]. Еще в период дискуссий об имплементации в Вене Кремль стал предпринимать ряд шагов, направленных на либерализацию, которые так или иначе являлись прямым ответом на критику Запада и демонстрировали желание и готовность Москвы приводить положение своих дел в гуманитарной сфере в соответствие с обще-

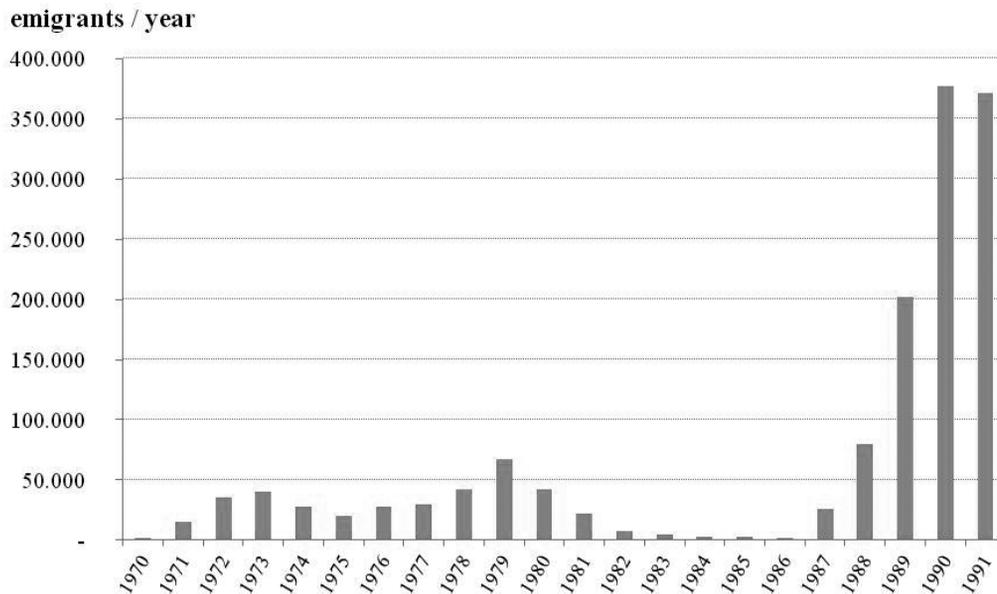

Рисунок 1. Эмиграция из СССР: 1970–1991 гг.

ропейскими нормами. Так, еще под воздействием неудачных переговоров в Берне Совет министров СССР 28 августа 1986 г. принял дополнение к положению «о въезде и выезде из Союза Советских Социалистических Республик», которое уже в январе 1987 г. вступило в силу [42, 63; 2, 28.02.1987]. На пресс-конференции 16 января в Вене Кашлев обещал «резкое увеличение» в 1987 г. числа лиц, которые смогут выехать за рубеж [9, 1987: 1/2–34]. В конце января председателем Советского анисионистского комитета Самуилом Зивсом было заявлено, что советское правительство распорядилось пересмотреть дела 10 000 «отказников» (так называемых носителей секретов) [9, 1987: 3–22]. В то же время по инициативе МИДа и при поддержке самого Горбачева шла разработка нового закона, который должен был гарантировать свободу въезда и выезда из СССР в духе хельсинкских договоренностей [63, 86–89]. Проект закона был внесен на обсуждение в Верховный Совет СССР еще в апреле 1987 г., но его разработка была задержана представителями консервативных структур (КГБ, Министерством внутренних дел и ЦК КПСС) вплоть до мая 1991 г. [42, 687].

Из-за отсутствия соответствующего закона рассмотрение заявлений об эмиграции имело еще произвольный характер. Но уже начиная с 1987 г. эмиграция из СССР, прежде всего представителей еврейского, армянского и немецкого населения, стала заметно расти, перестав

трактоваться в советской печати как нечто криминальное. Если год назад Союз смогли покинуть всего 2092 человека, то в 1987 г. число эмигрантов выросло уже до 26 600 [87, 5–13]. В 1988 г. в СССР было выдано 77 801 разрешение на выезд, достигнув в течение первых 8 месяцев 1989 г. рекордного показателя в 108 300 человек [87, 11]. Согласно статистике газеты «Аргументы и факты» за 1989 г. из Союза эмигрировали 235 000 человек [2, 14.07.1990]. В следующем году число уехавших выросло до 377 200 человек и только в 1991 г. стало несколько уменьшаться (371 200) (см. рисунок 1) [87].

При этом необходимо отметить, что рассмотрение большого количества заявлений на выезд, в особенности десятков тысяч так называемых отказников, происходило под прямым давлением западных представителей как на переговорах в Вене, так и во время билатеральных встреч, которые нередко проходили в атмосфере «базарного торга» [63, 137–145, 158]. Добивавшиеся разрешения на выезд и организованные в группы граждане СССР ссылались, в свою очередь, в письменных обращениях на зафиксированные в Заключительном акте их права на выезд и на воссоединение с семьей за рубежом, а также на переговоры в Вене. Немало жителей Союза апеллировало к странам-участницам на СБСЕ-встрече в Вене с просьбой оказать в этом вопросе большее давление на Москву и защитить таким образом их интересы [104, 150–170].

Наряду с бурным ростом эмиграции из СССР неоспоримым символом перестройки стало возвращение академика Андрея Сахарова 23 декабря 1986 г. из ссылки в Горьком в Москву. За несколько дней до этого события у него в квартире был неожиданно установлен телефон, по которому ему позвонил сам Горбачев и попросил вернуться в столицу [19, 94–99]. После освобождения Сахарова, в январе 1987 г., советские власти объявили о предстоящей амнистии политических заключенных, обещав при этом пересмотреть и, возможно, даже исключить из УК РСФСР ст.ст. 70 и 190-1 (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй), а также их аналоги в УК союзных республик. В течение первых месяцев 1987 г. на свободу вышло около 200 человек, среди них и представители МХГ [9, 1987: 3–1, 3–21, 4–1, 5/6–1, 7–1, 8–1, 9–1, 10–1]. Освобождение политических заключенных затянулось вплоть до конца 1991 г., но большая часть была амнистирована уже к концу 1988 г. Одновременно было приостановлено преследование инакомыслящих, правозащитников, религиозных активистов по ст.ст. 142 (исполнение религиозных ритуалов) и 227 (отделение церкви от государства) УК, распространителей самиздата и антисоветской информации, а также активистов по национальной реабилитации и других независимых от партийного аппарата групп [44; 49]. При этом надо отметить, что Горбачев хотя и был убежден в незаконности преследования инакомыслящих в СССР и принимал решение об их амнистии, скорее, из внутренних убеждений [19, 94–99], но в то же время за этим шагом скрывались, несомненно, и пропагандистско-политические мотивы. Пропагандистский подтекст освобождения политзаключенных улавливается в заинтересованности Москвы в оглашении этих мер прежде всего на Западе, в то время как в советских СМИ они упорно замалчивались. Показательно, что огласку брали на себя МИД и его представители. Как «политический выигрыш» оправдывались данные меры внутри аппарата [44; 9, 1987: ½; 104, 83]. Кроме того, международные обязательства и переговоры в Вене способствовали в качестве аргумента принятию решений об освобождении политзаключенных и о прекращении принудительного лечения людей в психбольницах в Политбюро ЦК КПСС, где еще заседали консервативные аппаратчики брежневской эпохи [27, 198].

Новое руководство также указывало на необходимость либерализации в области информационной политики, которая тоже являлась предметом острой критики на переговорах в Вене. Если верить Кашлеву, то «именно этим путем удалось провести решения о прекращении радиоглушения» [27, 198]. На заседании Политбюро 25 сентября 1986 г. сам Горбачев говорил о необходимости этого шага, ссылаясь на содержание третьей «корзины» Заключительного акта, в которой Советский Союз еще в 1975 г. обязался расширять и обеспечивать доступ к радиопередачам [12, 130]. В январе 1987 г. представитель МИДа Г. Герасимов объявил о прекращении глушения отдельных западных радиостанций, за исключением «Свободы», «Немецкой волны» и «Свободной Европы», которые стали доступны гражданам СССР год спустя [94, 126–127].

Перечисленными выше мерами, «кадровой политикой», а также недвусмысленными призывами к населению страны, в особенности к интеллигенции, включаться активно в процесс перестройки и ликвидировать «белые пятна» истории Горбачев дал мощный толчок демократизации в области информационной политики и общественной жизни, хотя поначалу наивно надеялся оставить контроль над «свободой слова» и «человеческим фактором» за собой и партийным аппаратом. Как уже говорилось, «свобода слова» в горбачевском понимании не предполагала полной свободы информации и независимой журналистики, а ограничивалась «социалистическими рамками» и преследовала прежде всего пропаганду реформаторских идей и обличение пороков административной системы, сложившейся после смерти Ленина. Цензура продолжала существовать, но рамки допустимого были существенно расширены, и гласность все меньше оставалась на повзду у партии. Прежде всего она проявилась в сфере культуры. Так, в 1987 г. была основана комиссия, задача которой состояла в пересмотре списка запрещенных книг, она легализовала за год своей работы 4303 произведения [2, 30.04.1988; 25, 27.11.1988]. На экранах советского кино и телевидения стали появляться ранее цензурованные фильмы, критичные материалы и инновационные передачи. За один только 1987 г. были организованы и транслированы 41 «телемост» между гражданами США и СССР, один из которых был посвящен теме прав человека [103]. Но и на страницы газет выплеснулись ранее табуированные темы: социальные проблемы советского

общества (преступность, наркотики, проституция, бедность), межнациональные конфликты, нарушения прав человека, злоупотребления властью и т. д. После 70-летия Октябрьской революции и оглашения новых данных истории в ходе этой кампании были поставлены под вопрос социалистические мифы, а вместе с ними – и ранее пропагандируемая «свобода социалистического выбора». Периодическая печать начала обсуждать историю массовых репрессий 1930–1950-х гг. Специальной комиссией под руководством А. Н. Яковлева реабилитировались жертвы сталинского террора; была признана ошибочной интервенция СССР в Афганистан в 1979 г. [62, 24; 85; 104, 120–127].

Таким образом, гласность уже к началу 1988 г. стала выходить за рамки дозволенного. Причем расширению сферы политических и гражданских свобод, несомненно, способствовали переговоры в Вене. Но, решившись «активизировать» «человеческий фактор» и пойти хоть и на ограниченную демократизацию страны, отвечая тем самым требованиям западных стран – участниц СБСЕ, Горбачев запустил процессы, которые уже скоро не в состоянии был ни направлять, ни остановить – как в Союзе, так и на международной арене.

«Процесс пошел»: ускорение перестройки в СССР

Неожиданным для советских властей последствием демократизации общественной жизни оказался рост неконтролируемых партией и государством общественно-культурных молодежных инициатив, так называемых неформалов; их политизация и радикализация, а также резкий выплеск табуированных ранее тем в публичную сферу. Первоначально неформалы были представлены прежде всего молодежными группами музыкального направления и альтернативного стиля жизни: панками, рокерами, хиппи, а также социальными и экологическими инициативами, дискуссионными, творческими и политическими клубами умеренного характера, организовавшимися не только по идеологическим принципам, но и по направлению деятельности [29; 36; 37; 38; 45; 52; 60; 104, 86–100; 112]. И хотя большинство этих неформальных групп на первых порах еще не шло на конфронтацию с властью, косвенно все они бросали ей вызов, ибо представляли собой горизонтально-сетевую структуру, образованную снизу, т. е. независимо и вне официальных институтов,

ставя, таким образом, под вопрос формально существовавшую и гарантированную ст. 6 Конституции СССР монополию КПСС на власть. Даже, казалось бы, такие неполитические группы, как хиппи или группа художников Митьки, являлись по сути своей политическими инициативами и несли в себе конфликтный потенциал, что не оставалось незамеченным в партийном аппарате [104, 111–119].

Всего к началу 1988 г. в стране существовало около 30 000 неформальных групп, а год спустя – уже 60 000 [51, 1.02.1988, 10.02.1989; 112, 136–142]. В больших городах Союза выросла сеть инициатив, которые так или иначе являлись «потомками» хельсинкского движения и воспринимались в аппарате как «негативное» явление перестройки. В большинстве случаев активное ядро таких групп было представлено освобожденными из лагерей и тюрем активистами, которые ловили генсека на словах и требовали политических свобод и гарантий от преследования в будущем. Прежде всего сюда следует отнести организованный Валерией Новодворской в 1987 г. правозащитный семинар «Демократия и гуманизм», на основе которого уже в мае 1988 г. была создана первая независимая партия «Демократический союз», объявившая своей целью свержение коммунистического строя мирным путем [39; 45, 410–423]. Как семинар, так и партия отличались радикальностью своих требований и митинговым стилем – участники семинара уже летом 1987 г. проводили уличные акции и организовывали митинги с радикально-либеральными лозунгами вроде «Долой КПСС!» В 1988 г. возобновила свою деятельность организованная еще в 1978 г. Владимиром Клебановым группа «Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся» (СМОТ) – одна из первых попыток создания в СССР независимого от ВЦСПС профсоюза. Кроме защиты прав трудящихся СМОТ призывал правительство освободить всех политических заключенных и гарантировать политические и гражданские свободы: свободу прессы и религии, свободу выбора места проживания, свободу выезда из страны и возвращения в нее, а также многопартийность [38, кн. 8, 135–138]. Амнистированные активисты хельсинкских и национальных групп на Украине, в Литве, Эстонии, Грузии и Армении также восстанавливали свою деятельность – частично под тем же названием, но с более радикальными целями. Ссылаясь на зафиксированные в Заключительном акте права народов распоряжаться

своей судьбой, национальные группы выступали против русификации и за возрождение их национальной идентичности, за суверенитет их республик, т. е. верховенство национальной власти над вышестоящими структурами СССР. Именно активность этих групп положила основу массовым национальным движениям с разрушительными для СССР тенденциями, особенно в Прибалтике [104, 171–208]. Вышедшие на свободу эмигранты (Леф Тимофеев, Сергей Григорьянц, Лариса Богораз, Сергей Ковалев) МХГ, которая восстановила свою деятельность в июле 1989 г., еще летом 1987 г. организовали информационный клуб «Гласность», а в августе 1987 г. было создано Международное общество прав человека (МОПЧ). В том же году родилась идея создания «Мемориала» – группы, первоначальной целью которой было строительство памятника жертвам сталинских репрессий. Однако уже в течение следующих двух лет «Мемориал» превратился в одно из крупнейших и влиятельных демократических общественных объединений перестройки (с политической, просветительской и правозащитной направленностью), в общественный совет которого входили такие влиятельные деятели культуры, как Андрей Сахаров, Алевт Адамович, Василь Быков и Евгений Евтушенко [65; 112].

Кроме названных инициатив в СССР существовал ряд других, в т. ч. менее известных групп, выступавших также за реформы и закрепление гарантий прав человека в законодательстве. Тем самым они бросали открытый вызов Горбачеву и партийному аппарату. Некоторые общественные объединения инструментализировали при этом осознанно хельсинкские договоренности и переговоры в Вене в своих целях, оказывая значимое давление как на советское правительство, так и на страны – участницы СБСЕ в Вене. Прежде всего это были общественные группы и частные лица, выступавшие за реализацию хельсинкских стандартов в эмиграционной политике, религиозные инициативы и правозащитники. Довольно часто текст заключительного акта использовали вышеупомянутый пресс-клуб «Гласность», группа МОПЧ и правозащитные бюллетени «Гласность» и «Экспресс-хроника». Клуб «Гласность», а также некоторые члены группы «Дружба и диалог» еще в августе 1987 г. в письменном обращении к Горбачеву, Шеварднадзе и главам правительств стран – участниц Венской встречи поддержали идею проведения в Москве международной конферен-

ции по гуманитарным аспектам прав человека и предложили «содействовать успешной подготовке конференции и ее работе на любом этапе». В то же время авторы обращения выразили опасение, что «конференция в Москве может превратиться в пропаганду лжи», если советское правительство не предпримет конкретных шагов в направлении демократизации, а именно: полной реабилитации всех политических заключенных в СССР, изменения содержания и практики применения политических статей УК РСФСР, а также гарантированного обеспечения деятельности независимых органов информации и общественных организаций. В духе бывшей МХГ подписанты письма предложили «предоставить будущим участникам конференции развернутую информацию по состоянию прав человека <...> в стране и, в частности, по вопросам, решение которых могло бы предшествовать началу работы конференции». Главный редактор «Гласности» Сергей Григорьянц подчеркнул отдельным письмом необходимость решения ряда вопросов и гарантирования соблюдения прав человека еще до начала московской конференции, предложив одновременно помощь клуба «Гласность» и редакции «Гласности» советской и другим правительственным делегациям [16, 2]. С идеей конференции в Москве связывал надежды на демократизацию и Андрей Сахаров, который также призывал советское правительство в условном порядке сначала освободить всех политзаключенных, изменить УК РСФСР и вывести советские войска из Афганистана [53, 10.06.1988].

Однако не все правозащитники и группы были готовы к сотрудничеству с Кремлем. Многие относились со скепсисом и к идее проведения в Москве СБСЕ-конференции или отвергали ее вовсе. Главный редактор издававшегося в традициях «Хроники текущих событий» бюллетеня «Экспресс-хроника» Александр Подрабинек, а также Мальва Ланда из семинара «Демократия и гуманизм» (в прошлом член МХГ), представитель крымско-татарского национального движения Мустафа Джемилев и московская секция МОПЧ обращались к правительствам 27 стран, подписавших хельсинкское соглашение 1975 г., с призывом «отказаться от идеи проведения конференции по гуманитарным проблемам в Москве, по крайней мере до тех пор, пока в СССР продолжают нарушаться права человека и прежде всего находятся в лагерях, тюрьмах и психбольницах политзаключенные, нарушаются права национальных меньшинств, ущемляет-

ся свобода совести и отсутствует право на свободное распространение информации» [61, 1]. Несмотря на скептицизм некоторых активистов по отношению к СБСЕ, многие из них продолжали направлять в адрес Венской конференции критический анализ состояния прав человека в СССР и обращения с призывом отстаивать бескомпромиссно выдвинутые по отношению к СССР условия на проведение в Москве конференции. Таким путем делегации западных стран получали из первых рук не только информацию о проблемах демократизации в СССР, но и конкретный доказательный материал, который потом служил основой для переговоров с советскими представителями [53, 13.10.1987, 20.10.1987; 104, 107].

Между тем перестройка набирала темп. Ранее умеренные группы стали уже с весны 1988 г. выступать с более радикальных антипартийных позиций, критикуя в открытую руководителей областных парторганизаций и очевидное торможение реформ. Дополнительным толчком послужила XIX Всесоюзная партконференция, проходившая в Москве с 28 июня по 1 июля 1988 г. Нечестные «выборы» ее делегатов спровоцировали многочисленные политические манифестации населения в больших городах. С весны 1988 г. митинговая кампания, в которой принимали участие как неформальные группы различных профилей, так и частные лица, буквально охватила Москву и Ленинград. Многие темы – будь то этноконфликты, требования демократических реформ, свобода митингов и печати или нечестные «выборы» депутатов на XIX партконференцию – буквально выносились на обсуждение в центры и на площади городов. Так, московский горком КПСС зарегистрировал к концу 1987 г. всего 180 несанкционированных митингов с 15 000 участников. В следующем 1988 г. число неразрешенных манифестаций выросло уже до 644 в одной только Москве [56, 29].

С возникновением неформального движения по всему Союзу стали выходить многочисленные независимые журналы и издания, фиксировавшие события общественного движения и упоминавшие темы, о которых еще умалчивала официальная пресса. Это были и малотиражные листки, распространявшиеся в кругу единомышленников, и массовые оппозиционные газеты, тираж которых доходил до 100 тыс. экземпляров. Всего с 1987 по 1991 г. на территории СССР вышло более 1000 политизированных изданий на русском языке. Многие

из них пользовались большой популярностью среди сторонников горбачевских реформ [57]. Но и официальная пресса не стояла на месте. В течение 1988 г. на страницах советской печати рухнуло табу, наложенное на обсуждение прав человека. Журналисты заговорили об идеале «правового государства», где индивидуум является не объектом, не подданным государства и его идеологии, а суверенным субъектом, чьи права правительство обязано гарантировать и охранять [51, 9.10.1987, 27.05.1988; 40]. Сам Горбачев начал включать в число «общечеловеческих ценностей» права человека, идеал правового государства и даже основные элементы западной модели политической демократии, например разделение власти. На XIX партконференции его речь впервые содержала раздел «Перестройка и права человека», где генсек говорил о необходимости законодательного урегулирования политических прав и свобод, признавая тем самым их прежние нарушения [51, 29.06.1988]. В конце 1987 г. по постановлению ЦК КПСС была создана Комиссия международного сотрудничества по гуманитарным проблемам и правам человека при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество под руководством Федора Бурлацкого, которая впервые публично признала имевшие место в СССР нарушения хельсинкских договоренностей. Хотя первоначально эта группа создавалась «для наружного употребления» и для «нейтрализации деятельности антиобщественных группировок типа пресс-клуба “Гласность”» [43, л. 50б]. Но, несмотря на это, за один только 1988 г. она успела войти в роль внутрисистемной оппозиции бюрократическому и стоявшему на ортодоксальных позициях партийному аппарату. Основной ее заслугой стало налаживание диалога с международными хельсинкскими группами и растабулирование публичного дискурса о правах человека в СССР [4; 104, 225–234]. Создав такую группу, Кремль окончательно признал правомерность обсуждения состояния с правами человека в стране на международном уровне. С этой целью была даже организована американско-советская рабочая группа, представители которой каждые шесть недель в первой половине 1988 г. встречались для решения конкретных случаев [63, 94, 133, 144, 149].

Все вышеописанные события и изменения не могли не произвести сдвиг в массовом сознании населения СССР. Ввиду ухудшавшейся экономической ситуации авторитет партии неудержимо падал, а коммунистическая идеология

теряла всякую легитимность. Одновременно в советском обществе стали расти интерес и симпатии к либерально-западным ценностям и политическим моделям Запада. Но разочарование в социалистических и коммунистических идеалах вело и к оживлению националистических идеологий, к разрыванию и обострению этноконфликтов, а также к возникновению влиятельного национального движения в отдельных союзных республиках, особенно в республиках Прибалтики.

В связи с таким ходом событий Горбачев начиная с 1988 г. все больше сталкивался с критикой его курса: одни (Борис Ельцин, либеральная пресса и многие неформальные группы) упрекали его в медлительности и непоследовательности реформ; другие (Егор Лигачев, Андрей Громыко), выступая с позиций ортодоксальных коммунистов, критиковали быстрый ход перестройки и предательство идеалов социализма. Манифестом этого направления стала статья Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», опубликованная 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия». На XIX партконференции между сторонниками и противниками перестройки впервые развернулась открытая острая борьба по вопросу о задачах развития страны. И хотя Горбачеву удалось удержать ход партконференции в своих руках и получить поддержку большинства делегатов намеченным политическим реформам, советская мифология о единстве коммунистической партии была в корне подорвана – дебаты партконференции впервые транслировались по телевидению. Во второй половине 1988 г. раскол внутри аппарата стал безудержно расти. Причем наступление консервативных сил шло как внутри партии, так и по отношению к разбуженному обществу и либеральной прессе. В июле–августе между «либералами» и «консерваторами» разгорелся открытый спор о совместимости общечеловеческих ценностей и «нового мышления» с представлениями о классовой борьбе в международных отношениях. Поводом послужило выступление Шеварднадзе на научно-практической конференции в МИД СССР, в котором министр иностранных дел призывал отказаться от противоборства двух систем как ведущей тенденции межгосударственных отношений и скорректировать внешнеполитические приоритеты СССР [35, 21.08.1988]. Ответом «консерваторов» стала критика Лигачева 6 августа 1988 г. в газете «Советская Россия», где он высказался против отказа от принципа классовой борьбы и деидеологизации.

Затормозить демократические реформы в стране ортодоксальные коммунисты пытались не только полемикой, но и на практике. В июле 1988 г. был издан новый общесоюзный указ о митингах, который ужесточил требования прежних правил, а также указ об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР при охране общественного порядка, расширивший права войск МВД при разгоне несанкционированных манифестаций. Разгоны митингов, в которых впервые стали участвовать отряды милиции особого назначения (ОМОН), стали принимать более жесткие формы. Поскольку в разработке новых законопроектов участвовали представители разных ведомств, включая и консервативно настроенный государственно-правовой отдел ЦК КПСС, то антиреформаторами успешно буксировалась и подготовка либеральных законов. Так, например, в заседаниях по разработке принятого в 1987 г. проекта закона о въезде и выезде из СССР участвовали кроме уполномоченных чиновников представители МИДа, МВД, КГБ, Министерства обороны, Центрального банка и даже «Аэрофлота». Такие влиятельные структуры, как КГБ, имели право вето и возможность тормозить разработку проекта [9, 151–153; 23, 297; 27, 199; 116, 48–49]. В начале 1989 г. Министерство обороны СССР, МВД и Союз журналистов приняли правила, согласно которым журналисты для посещения демонстраций и митингов должны получить специальный пропуск в МВД. Однако ввиду принятия итогового документа Венской встречи, которому эти правила явно противоречили, их действие было приостановлено [9, 1989: 4–48].

На фоне попыток торможения реформ консервативными силами международные нормы и СБСЕ стали приобретать новое значение для Горбачева и так называемых либералов, сторонников демократических преобразований. Как следствие описанной выше деидеологизации публичного дискурса в СССР и наступления ортодоксальной номенклатуры советская делегация изменила свою прежнюю позицию на переговорах в Вене и вернулась осенью 1988 г. к вопросу о проведении конференции по гуманитарным вопросам в Москве.

Ускорение хельсинкского процесса

Начиная с весны 1988 г. советская делегация на переговорах в Вене стала проявлять готовность идти на существенные уступки. Обсуждение че-

тырехступенчатого контрольного механизма человеческого измерения [94, 101] уже не вызывало возражений Москвы: ранее неприемлемую для СССР четвертую процедуру созыва всех стран для решения конкретных гуманитарных вопросов договорились заменить отдельными регулярными встречами, идя, таким образом, навстречу идее Кремля о проведении такого форума в Москве. К лету удалось договориться о двух таких встречах – в Париже и Копенгагене, – в то время как место проведения третьей оставалось официально открытым. Неожиданно советские представители, в частности Шеварднадзе, возобновили предложение Москвы об организации такой встречи, подчеркивая при этом важность согласия западных коллег для демократических реформ Горбачева ввиду внутрипартийной оппозиции [23, 272–273; 81; 89, 245]. «Не совершите исторической ошибки», – призывал в этом контексте руководитель советской делегации Кашлев своих западных коллег [94, 128].

В принципе к осени 1988 г. на переговорах в Вене уже не исключалась возможность организации такого форума в Москве. Но англоговорящие страны, в частности США, продолжали требовать от Кремля «существенных шагов по улучшению положения в области прав человека и предоставления убедительных гарантий доступа и открытости для всех, кто захочет принять участие в совещании» [23, 273; 89, 246]. Маргарет Тэтчер ставила условием разрешение на выезд всем «отказникам» и гарантии законодательного закрепления изменений в области прав человека [23, 273]. Осенью вопрос о проведении совещания в Москве стал предметом интенсивных обсуждений на уровне министров иностранных дел. В письме бывшего госсекретаря США Джорджа Шульца к Шеварднадзе от 9 ноября повторялись прежние условия британского и американского согласия на проведение форума в Москве [23, 274; 81; 89, 251]. 25 ноября Шульц уверял отдельным письмом Шеварднадзе в том, что его правительство скажет «да», если ранее поставленные условия будут выполнены до конца венской встречи и будет дана публичная гарантия о дальнейших мерах в 1989 г. [63, 173]. Кроме того, американская делегация сформулировала в Вене подробные положения об условиях доступа общественности к мероприятиям СБСЕ, угрожая в случае отклонения от них блокировать принятие заключительного документа Венской встречи. В них говорилось о предоставлении доступа к открытым заседа-

ниям СБСЕ средствам массовой информации, неправительственным организациям и группам как своей страны, так и иностранцам; о свободе журналистов и о возможности проведения мирных собраний.

Публично Кремль всячески отрицал уязвимость этой ситуации и даже давал понять, что проведение конференции в Москве для него уже приоритетом не является [23, 274–276]. На самом же деле непосредственно вследствие ноябрьских переговоров в СССР был предпринят ряд серьезных шагов: масштабы эмиграции стали бить все рекорды, были решены почти все случаи по воссоединению семей, резко уменьшилось число «отказников», прекращено глушение всех радиостанций. Насколько гибкой стала позиция советской стороны, свидетельствует следующий эпизод. В разговоре с первым заместителем министра иностранных дел СССР Анатолием Ковалевым его американский коллега, помощник государственного секретаря по правам человека и гуманитарным вопросам Ричард Шифтер, поставил условие, чтобы советские власти позволили выехать из страны «значительному числу отказников» непосредственно перед тем, как на совещании в Вене будет рассматриваться этот вопрос. В качестве «значительно числа» назывались 120 человек. На решение всех этих условий Москва дала свое согласие в течение одного дня [63, 158, 170]! Беспрецедентным стало выступление Горбачева в Организации Объединенных Наций 7 декабря в Нью-Йорке, где он по всем тем пунктам, которые ставились СССР условием в Вене, гласно дал обещание привести законодательство СССР в соответствие с международными обязательствами.

Под впечатлением от этого заявления американская администрация в начале декабря приняла решение закончить как можно скорее переговоры в Вене принятием приглашения одного из СБСЕ-форумов в Москву и нового документа. Однако под влиянием Канады, которая продолжала высказываться против такого совещания в СССР, окончательное решение этого вопроса было поставлено в зависимость от дальнейшего развития реформ в СССР, в частности от качества выполнения обязательств, принятых в итоговом документе в Вене 15 января 1989 г. Оценку степени выполнения «домашних заданий» предусматривали запланированные специализированные форумы: информационный форум в Лондоне (1989), конференция по экономическому сотрудничеству в Бонне (1990),

совещание по человеческому измерению в Париже (1989) и Копенгагене (1990). О том, что процесс выполнения новых договоренностей будет нелегким, свидетельствовали не только растущее в СССР противостояние демократическим реформам, но и сам итоговый документ, который содержал более объемные и детальные положения о правах человека, нежели все предыдущие документы СБСЕ [26]. Практически все выдвигавшиеся ранее странами Запада и отвергавшиеся СССР обязательства стали его составляющими, а права и свободы граждан были признаны универсальными [23, 278–287; 28; 91]. Так, первая «корзина» содержала целый перечень индивидуальных прав человека и обязательства стран-государств уважать и соблюдать их. 11 конкретных пунктов (принцип 16) были посвящены одной только свободе исповедовать религию; впервые конкретизировалось право свободного выбора местожительства в пределах своего государства, а также право «покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться» в нее обратно (принцип 20); фиксировались права лиц, содержащихся в заключении и в психбольницах (принцип 23). Здесь же (принцип 26) закреплялись права граждан осуществлять наблюдение за выполнением договоренностей в своих странах и обязанность государств-участников «облегчать прямые контакты и связи между этими лицами, организациями и учреждениями внутри государств-участников и между государствами-участниками и устранять там, где они существуют, законодательные и административные препятствия, несовместимые с положениями документов СБСЕ», что полностью легализовало деятельность правозащитных групп, которые ранее подвергались репрессиям в СССР. Более подробным содержанием наполнилась и третья «корзина». Длинным стал перечень конкретных положений в области информации, а также касавшихся контактов между людьми. Он содержал облегчение визового режима для родственников, проживающих в разных странах, а также при поездках, имеющих целью воссоединение семьи или заключение брака. В разных случаях были установлены конкретные сроки. Для пересмотра дел «отказников» он составлял шесть месяцев.

По сравнению с договоренностями в первой и третьей «корзинах» содержание второй «корзины» казалось довольно скудным. Таким образом, в Вене был сделан «прорыв» именно в гуманитарно-правовой области, а «плата» СССР за достигнутый компромисс, казалось бы, пре-

вышала полученную выгоду. Ведь большинство элементов нового документа противоречило законодательству и практике СССР и ставило Горбачева перед новыми сложностями. Однако стоит отметить, что уже к концу встречи в Вене СССР мало походил на ту страну, которая вступала в переговоры в 1986 г., а достигнутые договоренности уже не были теми пустыми компромиссами, какими они являлись для Кремля в предыдущей истории хельсинкского процесса. Итоговый документ был оценен Горбачевым как «беспрецедентное событие по содержанию, по целям, по вероятным многообразным позитивным последствиям». В интервью «Правде» по итогам встречи Горбачев подчеркнул: «Приглашая других к разумным компромиссам, мы и сами за эти годы преодолели немалую дистанцию в понимании и оценке некоторых проблем, бывших в Вене предметом иногда острых схваток» [51, 17.01.1989]. Ценностная эволюция, которую СССР прошел за последние два года, была поистине революционной. Впервые в истории хельсинкского процесса на первое место были поставлены не военно-политические, а гуманитарные аспекты документа; впервые руководство страны демонстрировало намерение привести их в исполнение; впервые решением Политбюро было установлено немедленное действие договоренностей в СССР, а соответствующим министерствам и ведомствам была дана рекомендация «незамедлительно приступить к их практическому осуществлению» [51, 26.01.1989]. В повестке дня стояло принятие более 50 законов, касавшихся международных обязательств СССР [48, т. 1, 458]. МИДу предписано было курировать их разработку и следить за их соответствием венским договоренностям. Однако сопротивление консервативных сил, с которым советское руководство столкнулось уже в 1988 г., свидетельствовало о том, что процесс имплементации новых обязательств не сулит быть простым. В то же время в стране складывалась парадоксальная ситуация: чем больше росла оппозиция демократическим реформам, тем большую известность и силу довода приобретал венский документ.

Реализация СБСЕ-обязательств: тернистый путь к правовому государству и распад СССР

По сравнению с Заключительным актом 1975 г. итоговый документ венской встречи обрел более широкую известность и популярность в

СССР. Новые договоренности все чаще стали упоминаться в качестве аргумента не только правозащитниками, но и многими другими неформальными группами, частными лицами, журналистами и политиками. Результаты переговоров в Вене стали толчком для образования «венских комитетов» в составе уже существующих неформальных групп, а также для объединения нескольких инициатив в одно «венское движение», объявившее своей целью наблюдение за соблюдением подписанных договоренностей [6; 35, 27.08.1989; 88]. Документ приводился в качестве аргумента для обоснования тех или иных требований и просьбми гражданами [30; 31]. Но, пожалуй, самым удивительным стало то, что его содержание вошло в лексикон политиков и стало аргументационной частью политических дебатов. Разработка большинства законопроектов, прямо затрагивавших СБСЕ-обязательства – о въезде в СССР и выезде из него, о печати, свободе совести, неправительственных организациях, – затягивалась и даже умышленно торпедировалась ортодоксально настроенными силами в аппарате, не доходя до законодательного органа – съезда народных депутатов. Чтобы ускорить принятие этих законов, либеральные представители партийного аппарата, а также пресса стали усиленно обращать внимание на принятые в Вене обязательства [25, 9.10.1989; 35, 26.03.1989, 5.11.1989; 104, 321–334]. Советские представители не упускали, в свою очередь, возможности заручиться поддержкой на международном уровне, озвучивая планы политических реформ на встречах СБСЕ. Выступая на парижском совещании Конференции по человеческому измерению в мае–июне 1989 г., Шеварднадзе произнес целый пассаж о новых законопроектах Союза, соответствие которых с венским документом прогнозировал Кашлев [107; 117, 59]. И хотя большинство ключевых законов было принято в «последнюю минуту» – о въезде и выезде в мае 1991 г., о печати и других средствах массовой информации в мае 1990 г., о свободе совести и религиозных организаций и об общественных организациях в октябре 1990 г., – аргументация венскими обязательствами присутствовала на протяжении их разработки в межведомственных дискуссиях, на заседаниях Политбюро, на съездах народных депутатов и сессиях Верховного Совета [7, 158–163; 14; 63, 112–115; 104, 321–334], а некоторые нормативные аспекты венского документа нашли даже довольно конкретное отражение в новых законах. Так, например, закон о свободе со-

вести и деятельности религиозных организаций удалось, несмотря на сопротивление отдельных ведомств, привести в довольно точное соответствие с нормами венского документа [92, 182].

Присутствие темы политических реформ в СССР на заседаниях последующих СБСЕ-форумов стимулировало процесс дальнейшей демократизации в Союзе. Так, в установленный шестимесячный срок после Вены были рассмотрены все ходатайства о выезде из страны. Из 1855 таких случаев положительные решения были приняты в 1556. За это же время были удовлетворены 1,7 млн заявлений на частные поездки за рубеж. За восемь месяцев 1989 г. в СССР было зарегистрировано 2235 религиозных объединений, в пользование которым было передано 1700 молитвенных зданий. Были приняты решения о свободном распространении зарубежной периодики, сняты ограничения на прием зарубежного телевидения, ввоз, приобретение и использование копировально-множительной техники [23, 298; 28, 121–124]. Доказательством того, что Горбачев останется на пути реформ, основанных на принципах уважения прав человека, демократического плюрализма и экономических свобод, стали самокритичность советской делегации на последовавших за Веной встречах, а также очевидная заинтересованность Кремля в сближении правовых норм стран-участниц СБСЕ на основе общих ценностей. Особое внимание, например, привлекла озвученная на форуме в Париже советско-французская инициатива о формировании общего европейского правового государства, которая предполагала сближение правовых норм стран СБСЕ на основе общих стандартов, но она так и осталась нереализованной [23, 306–320; 25, 4.07.1989; 117, 55–56]. Вместе с тем решимость советских представителей взять на себя обязательства по новым договоренностям казалась парадоксальной. Ведь они были несовместимы с внутривнутриполитическим укладом и ходом событий в стране. В результате Боннской конференции по экономическому сотрудничеству в Европе (март–апрель 1990 г.) СССР впервые выразил свою приверженность положениям об экономической свободе, частной собственности и рыночной экономике, а также принципам плюралистической многопартийной и основанной на свободных выборах демократии [23]. В то же время Горбачев еще отвергал радикальные экономические реформы, введение частной собственности и рыночной экономики в СССР [51,

1.12.1990; 8, 175]. Беспрецедентным стал разработанный на втором совещании по человеческому измерению в Копенгагене в июне 1990 г. «каталог» индивидуальных прав и свобод человека, содержащий принципы политического плюрализма и свободных и честных выборов [72]. А в ноябре 1990 г. на совещании в Париже была подписана Парижская хартия для новой Европы [47], в которой «эра конфронтации и раскола» была объявлена законченной и дано обязательство «строить, консолидировать и укреплять демократию как единственную систему правления». Принятая также в Париже декларация стран Варшавского договора и НАТО заявляла, что страны двух блоков «больше не рассматривают друг друга как противников» и холодная война закончена.

Очевидно, что внешняя политика Советского Союза обгоняла внутривнутриполитические события в стране, которые, несмотря на необычную динамику их развития, умышленно тормозились партийным аппаратом. Политика в СССР к тому времени стала бесповоротно публичной, и уже на первом съезде народных депутатов (май-июнь 1989 г.), за которым вся страна следила в прямом эфире, звучали речи и предлагались радикальные политические реформы, которые по сути своей подразумевали свержение политической системы. Главным пунктом стало поддерживаемое большинством населения требование отмены 6-й статьи Конституции, закреплявшей монополию КПСС на власть. Под давлением общественности, которая в 1990 г. уже в массовом порядке была против Горбачева и за демократию через многопартийность, на третьем внеочередном съезде народных депутатов 14 марта 1990 г. была отменена монополия партии на власть и учрежден новый пост президента. К тому времени де-факто уже существовавшие в стране партии, фракции и неформальные группы были легализованы [11, 193]. Под воздействием давления демократической общественности, усиливавшихся центробежных процессов и распада партии Горбачев под конец 1990 г. все больше стал поддаваться влиянию антиреформаторов, что провоцировало в конечном счете антигорбачевские настроения и потерю связи с политическим и социальным базисом его власти. Но чем больше росла внутривнутриполитическая изоляция Горбачева, тем важнее становились для него и для реформаторов поддержка Запада и общеевропейский процесс. Именно во внешней политике Горбачев еще имел независимую

от партийного аппарата позицию и возможность создания противовеса антидемократическим силам в собственной стране. Именно в таком ракурсе следует оценивать прошедшую в 1990–1991 гг. деидеологизацию СБСЕ-процесса и разработку общеевропейской системы ценностей [23, 325–389; 117, 49–63]. События в СССР сказывались самым радикальным и положительным образом на мультилатеральных встречах.

Несмотря на прогресс хельсинкского процесса, выполнить взятые на себя в Вене обязательства до запланированного в Москве на 1991 г. третьего форума Горбачеву по разным причинам так и не удалось. В результате ухода после XXVIII съезда КПСС в июле 1990 г. в демократическое движение сторонников радикальных реформ продолжить свой прежний центристский курс он уже не смог. Популярность компартии и генсека неудержимо падала, а реальная власть Горбачева, который в марте 1990 г. был выбран на пост президента СССР, становилась иллюзорной – его решения саботировались населением и бюрократией. Тенденция к регрессии проявилась в торможении ключевых законопроектов и реформ, в отставке Шеварднадзе и переформатировании правительства в пользу консервативных сил, а также в обострении кризиса с Литвой и Латвией в январе 1991 г., в ходе которого были применены репрессивные меры. Путем экономической блокады и совершения государственного переворота центр пытался свергнуть правительство Народного фронта в Вильнюсе, которое, как и в других балтийских республиках, провозгласило курс на восстановление независимости. В результате путча, который повторился в Риге, погибли более десятка людей. И хотя Горбачев заявлял о своей непричастности к применению силы, эти события привели к новой волне общественного возмущения [35, 20.01.1991] и ускорению распада СССР. Попыткой приостановить этот процесс стали переговоры в Ново-Огареве о Союзе Суверенных Государств, предусматривавшие большую независимость республик от центра. Однако распад СССР к тому времени был уже необратим. Дилетантский августовский путч в Москве, который закончился полным провалом, ускорил этот процесс [34]. Еще во время путча Латвия (20 августа) и Эстония (21 августа) объявили о своей независимости; в течение недели с начала путча за ними последовали и другие республики. Следствием стали не только распад Союза, но и капитуляция Горбачева перед российским

правительством и конец коммунистического режима. Ельцин, возлавивший сопротивление гэкачепистам, вынудил Горбачева подписать 23 августа 1991 г. указ о роспуске КПСС. Впоследствии был ликвидирован союзный Совет министров. 8 декабря на встрече в Беловежской Пуще руководители России, Украины и Белоруссии подписали соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), за которым последовала необратимая ликвидация СССР. Как следствие этих событий 25 декабря 1991 г. Горбачев покинул пост президента СССР.

В тени этих эпохальных событий и состоялось Московское совещание Конференции по человеческому измерению (10 сентября – 4 октября 1991). Решения об участии стран ЕС и НАТО в конференции и ее организации принимались буквально в «последнюю минуту»: 20 августа 1991 г. министры иностранных дел стран Запада поставили условием своего участия восстано-

вление законной власти в СССР; 21 августа путч закончился провалом; а за час до официального открытия форума в Москве, 10 сентября, Латвия, Литва и Эстония были приняты в состав государств – участников СБСЕ. Августовский путч сказался и на содержательной стороне совещания, которое прежде всего имело функцию выражения моральной поддержки Горбачеву и российскому правительству странами Запада [104, 350–355].

Итак, Московская конференция не стала тем знаменательным и сенсационным событием, которым казалась пару лет назад. Однако именно этот факт и выступил доказательством того, что дело Хельсинки было выполнено: распадавшийся СССР и бывшие страны Варшавского договора, руководствуясь фундаментальными принципами суверенитета государств и прав человека, становились равноправными членами «общего европейского дома», основанного еще в 1975 г.

Библиография:

1. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: Новейший период. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. 384 с.
2. Аргументы и факты.
3. Борьба за мир в свете криминалистики // Век XX и мир. 1990. № 7.
4. Бурлацкий Ф. Глоток свободы. В 2 кн. Кн. 2. М.: Культура, 1997. 464 с.
5. Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. М., 1991. № 24.
6. Век XX и мир. 1989. № 4, 5.
7. Верховный Совет СССР. Вторая сессия. Стенографический отчет. 1989. № 27.
8. Верховный Совет СССР. Четвертая сессия. Стенографический отчет. 1990. № 5.
9. Вести из СССР: Права человека = USSR News Brief: Human Rights / Сост. К. Любарский. Мюнхен: Das Land und die Welt, 1987, 1988, 1989.
10. Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1987. № 1.
11. Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР. 12–15 марта 1990 г. Стенографический отчет. Т. 3. М., 1990.
12. Воротников В. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Книга и бизнес, 2003. 638 с.
13. Вступительное заявление члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе на венской встрече представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 5 ноября 1986 г. // СССР в борьбе за безопасность и сотрудничество в Европе 1964–1987. Сборник документов / Сост. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Международные отношения, 1988. С. 441–448.
14. Выписка из протокола № 171 заседания Политбюро ЦК КПСС от 15 ноября 1989 г. // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89. Оп. 9. Д. 52.
15. Выступление первого заместителя министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалева на пленарном заседании венской встречи представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // СССР в борьбе за безопасность и сотрудничество в Европе 1964–1987. Сборник документов / Сост. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Международные отношения, 1988. С. 451–455.
16. Гласность. 1987. № 5.
17. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 271 с.
18. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 1, 2. М.: Новости, 1995.
19. Грачев А. С. Кремлевская хроника. М.: Эксмо, 1994. 265 с.
20. Добрынин А. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1997. 688 с.
21. Документ Боннской конференции // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.osce.org/ru/eea/14086> (дата обращения: 17 марта 2015).
22. Дубинин Ю. Воспоминания. Хельсинки-1975. Детали истории // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 101–119.
23. Загорский А. В. Хельсинкский процесс: переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1972–1991 гг. М.: Права человека, 2005. 447 с.
24. Заключительный акт // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 12 марта 2015).

25. Известия.
26. Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после совещания // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.osce.org/ru/mc/40885?download=true> (дата обращения: 19 марта 2015).
27. Кашлев Ю. Б. Многоликая дипломатия. Исповедь посла. М.: Известия, 2004. 360 с.
28. Кашлев Ю. Б. Общеввропейский процесс: вчера, сегодня, завтра. М.: Международные отношения, 1990. 184 с.
29. Козодой В. Движение сибирских «неформалов» в 1986–1990 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 28–43.
30. Коллекция писем советских граждан к народным депутатам СССР // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10031. Оп. 1. Д. 11.
31. Коллекция писем советских граждан к народным депутатам СССР // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10007. Оп. 1. Д. 29.
32. Комсомольская правда.
33. Кудрявцев В. Два мира – две концепции прав человека // Мировая экономика и международные отношения. 1986. № 1. С. 24–33.
34. Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было. М.: РОССПЭН, 2014. 462 с.
35. Московские новости.
36. Неформалы. Кто они? Куда зовут? / Сост. В. А. Печенев, В. И. Вьюницкий. М.: Политиздат, 1992. 332 с.
37. Неформалы. Кто есть кто? / Сост. А. Громов, О. Кузин. М.: Мысль, 1990. 269 с.
38. Неформальная Россия. О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника) / Сост. В. Н. Березовский, Н. И. Кротов. М.: Молодая гвардия, 1990. 382 с.
39. Новодворская В. По ту сторону отчаяния. М.: Новости, 1993. 268 с.
40. Новое время. 1987. № 42.
41. О результатах работы по предупреждению террористических проявлений на территории СССР, 1988 // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89. Оп. 51. Д. 12.
42. О внесении дополнений в Положение о въезде и о выезде из Союза Советских Социалистических Республик // Собрание постановлений правительства СССР. 1986. № 31.
43. О намерении антиобщественных элементов провести в Москве так называемый «семинар по правам человека» // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89. Оп. 19. Д. 37. Л. 5.
44. Об освобождении от отбывания наказания и уголовной ответственности отдельных категорий лиц // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89. Оп. 18. Д. 111.
45. Общественные самодеятельные движения: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов / Сост. Е. Сулова. М.: НИИК, 1990. 447 с.
46. Отчет о работе Комитета государственной безопасности СССР за 1985 год // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89. Оп. 51. Д. 7.
47. Парижская хартия для новой Европы // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39520?download=true> (дата обращения: 26 февраля 2015).
48. Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. В 6 т. М., 1989.
49. По вопросу о статьях 70 и 190/1 УК РСФСР // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89. Оп. 18. Д. 116. Л. 2–3.
50. Постановление ЦК КПСС. О директивах делегации СССР на совещании экспертов государств – участников СБСЕ по правам человека и других вопросах, связанных с ее поведением (Оттава, 23 апреля – 18 июня 1985 г.) // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89. Оп. 19. Д. 27.
51. Правда.
52. Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Сборник материалов в 10 книгах / Сост. В. Березовский, Н. Кротов, В. Соловей, В. Червяков. М.: Рау-пресс, 1993.
53. Русская мысль.
54. СССР в борьбе за безопасность и сотрудничество в Европе 1964–1987. Сборник документов / Сост. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Международные отношения, 1988. 543 с.
55. Советская культура.
56. Советское государство и право. 1990. № 5.
57. Струкова Е. Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996). М.: Историческая библиотека, 2005. 309 с.
58. Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М.: Европа, 2009. 428 с.
59. Шеварднадзе Э. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М.: Новости, 1991. 368 с.
60. Шубин А. Преданная демократия. СССР и неформалы 1986–1989. М.: Европа, 2006. 344.
61. Экспресс-хроника. 1987. № 10.
62. Яковлев А. Сумерки. М.: Материк, 2005. 670 с.
63. Adamishin A., Schifter R. Human Rights, Perestroika, and the End of the Cold War. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2009. 297 p.
64. Adamishin A. The Final Act: Is The Curtain Coming Down? // Russia in Global Affairs. 2005. № 3 // [Электронный ресурс] – URL: http://eng.globalaffairs.ru/number/n_5350 (дата обращения: 29 марта 2015).
65. Adler N. Victims of Soviet Terror. The Story of the Memorial Movement. London: Westport; Praeger Publishers, 1993.

66. Åslund A. Gorbachev's Struggle for Economic Reform. The Soviet Reform Process 1985–1988. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1989. 269 p.
67. Basket 1 – Implementation of the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe: Findings Eleven Years after Helsinki. Report submitted to the Congress of the United States by the Commission on Security and Cooperation in Europe. Vol. 2. November 1986.
68. Boettke P. J. Why Perestroika Failed. The Politics and Economics of Socialist Transformation. London: Routledge, 1993. 208 p.
69. Europe and the End of the Cold War. A Reappraisal / Ed. by F. Bozo, V.-P. Rey, P.P. Ludlow, L. Nuti. London, New York: Routledge, 2008. 304 p.
70. From Helsinki to Belgrade – The First CSCE Follow-up Meeting in Belgrade 1977/1978 / Ed. by V. Bilandžić, M. Kosanović. Göttingen: V&R Unipress, 2012. 334 p.
71. The Human Dimension of the Helsinki Process. The Vienna Follow-up Meeting and Its Aftermath / International Studies in Human Rights, 20 / Ed. by A. Bloed, P. Dijk van. Dordrecht: Springer Netherlands, 1991. 336 p.
72. Bloed A. A New CSCE Human Rights «Catalogue»: The Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE // The Human Dimension of the Helsinki Process. The Vienna Follow-up Meeting and Its Aftermath / International Studies in Human Rights, 20 / Ed. by A. Bloed, P. Dijk van. Dordrecht: Springer Netherlands, 1991. P. 54–71.
73. Davy R. Helsinki Myths: Setting the Record Straight on the Final Act of the CSCE, 1975 // Cold War History. 2009. Vol. 9. № 1. P. 1–22.
74. Document of the Stockholm Conference // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.osce.org/fsc/41238> (дата обращения: 25 марта 2015).
75. The Destruction of the Soviet Economic System: An Insiders' History / Ed. by M. Ellman, V. Kontorovich. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1998. 352 p.
76. Eggleston R. Soviets Saying Little about Moscow Conference // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 23. 1987. RL 214.
77. Eggleston R. USSR Reverting to Hard Line at Vienna Talks // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 14. 1987. RL 128.
78. Eggleston R. USSR to give Details of Proposed Moscow Conference // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 26. 1987. RL 241.
79. Eggleston R. Problems in Moscow Said to be Delaying Conference Proposal // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 30. 1987. RL 291.
80. Eggleston R. Question Mark over Moscow Humanitarian Conference // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 23. 1988. RL 239.
81. Eggleston R. NATO Allies Drawing up Conditions for Moscow Conference // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 48. 1988. RL 517.
82. Esterik van C., Minnema H. The Conference that Came in from the Cold // The Human Dimension of the Helsinki Process. The Vienna Follow-up Meeting and Its Aftermath / International Studies in Human Rights, 20 / Ed. by A. Bloed, P. Dijk van. Dordrecht: Springer Netherlands, 1991. P. 1–29.
83. Goldberg P. The Final Act. The Dramatic, Revealing Story of the Moscow Helsinki Watch Group. New York: William Morrow & Co, 1988. 320 p.
84. Gorbatschow M. Gipfelgespräche. Geheime Protokolle aus meiner Amtszeit. Berlin: Rowohlt, 1993. 344 S.
85. Gibbs J. Gorbachev's Glasnost. The Soviet Media in the First Phase of Perestroika. Texas A&M University Press, 1999. 168 p.
86. Hanson P. The Rise and Fall of the Soviet Economy. An Economic History of the USSR from 1945. London: Longman, 2003. 292 p.
87. Heitman S. The Third Soviet Emigration, 1948–1991 // Refuge: Canada's Periodical on Refugees. 1993. Vol. 13. № 2. P. 5–13.
88. In the Spirit of the Vienna Process // Open Society Archive (Budapest). Fond 318. Series 3. Box 80.
89. Korey W. The Promises we keep. Human Rights, the Helsinki Process, and American Foreign Policy. New York: St. Martin's Press in association with the Institute for East-West Studies, 1993. 529 p.
90. Kashlev Yu. The Lessons of Bern – Who Is against Contacts // International Affairs. 1986. № 10. P. 39–45.
91. Lehne S. The Vienna Meeting of the Conference on Security and Cooperation in Europe, 1986–1989. A Turning Point in East-West Relations. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press Inc., 1991. 224 p.
92. Luchterhandt O. The CSCE Norms on Religious Freedom and their Effects on the Reform of Soviet Legislation on Religion // The Human Dimension of the Helsinki Process. The Vienna Follow-up Meeting and Its Aftermath / International Studies in Human Rights, 20 / Ed. by A. Bloed, P. Dijk van. Dordrecht: Springer Netherlands, 1991. P. 162–185.
93. Maresca J. J. To Helsinki. The Conference on Security and Cooperation in Europe 1973–1975. Durham: Duke University Press, 1985. 530 p.
94. Mastny V. The Helsinki Process and the Reintegration of Europe, 1986–1991. Analysis and Documentation. New York: New York University Print, 1992. 343 p.
95. Matlock J. F. Jr. Autopsy on an Empire. The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. New York: Random House, 1995. 836 p.
96. Nichol J. P. Perestroika of the Soviet Ministry of Foreign Affairs during the Gorbachev Period. Amherst: University of Massachusetts at Amherst, 1988.
97. Novak M. Taking Glasnost Seriously. Toward an Open Soviet Union. Washington: Aei Press, 1988. 206 p.
98. Peter M., Wentker H. «Helsinki-Mythos» oder «Helsinki-Effekt»? Der KSZE-Prozess zwischen internationaler Politik und gesellschaftlicher Transformation. Zur Einleitung // Peter M., Wentker H. (Hrsg.). Die KSZE im Ost-West-Konflikt. Internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990. München: Oldenborug, 2012. S. 1–14.
99. Rey M.-P. Gorbachev's New Thinking and Europe, 1985–1989 // Europe and the End of the Cold War. A Reappraisal / Ed. by F. Bozo, V.-P. Rey, P.P. Ludlow, L. Nuti. London, New York: Routledge, 2008. P. 23–35.

100. Rey M.-P. «Europe Is Our Common Home»: A Study of Gorbachev's Diplomatic Concept // *Cold War History*. 2004. Vol. 4. № 2. P. 33–65.
101. Romano A. Détente, Entente, or Linkage? The Helsinki Conference on Security and Cooperation in Europe in U.S. Relations with the Soviet Union // *Diplomatic History*. 2009. Vol. 33. № 4. P. 703–722.
102. Roth P. Glasnost und Medienpolitik unter Gorbatschow / *Demokratische Verantwortung*, Bd. 13/14. Bonn: Studiengesellschaft für Zeitprobleme e.V., 1990. 365 S.
103. Risch J. Russen und Amis im Gespräch. Die sowjetisch-amerikanische Telebrücke (1982–1989). Ein vergessener Beitrag zur Beendigung des Kalten Krieges. Berlin: Saxa, 2012. 82 S.
104. Saal von Y. KSZE-Prozess und Perestroika in der Sowjetunion: Demokratisierung, Werteumbruch und Auflösung. München: Oldenbourg, 2014. 404 S.
105. Snyder S. Human Rights Activism and the End of the Cold War: A Transnational History of the Helsinki Network / *Human Rights in History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 304 p.
106. Snyder S. The Foundation for Vienna: A Reassessment of the CSCE in the mid-1980s // *Cold War History*. 2010. Vol. 10. № 4. P. 493–512.
107. Statement by Ambassador Yuri B. Kashlev, Head of Delegation of USSR, at the Paris Meeting of the CDH, June 1, 1989 // *Open Society Archive (Budapest)*. Fond 318. Series 6. Box 2 (CSCE: Conference on the Human Dimension, Paris; Statements, 1989).
108. Statement by the Head of the USSR Delegation, Ambassador Yuri B. Kashlev, at the Plenary Session of the Vienna Meeting 24 July 1987 // *Open Society Archive (Budapest)*. Fond 318. Series 5, Box 11.
109. Statement by Ambassador Warren Zimmermann // *Open Society Archive (Budapest)*. Fond 318. Series 5. Box 11.
110. Thomas D. C. The Helsinki Effect. International Norms, Human Rights, and the Demise of Communism. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2001. 324 p.
111. Tschernajew A. Die letzten Jahre einer Weltmacht. Der Krenl von innen. Stuttgart: Dva, 1993. 479 S.
112. Neformaly. Civil Society in the USSR / U.S. Helsinki Watch Committee. A Helsinki Watch Report, 1990.
113. Villaume P., Westad O. A. Perforating the Iron Curtain. European Détente, Transatlantic Relations, and the Cold War, 1965–1985. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2010. 272 p.
114. Origins of the European Security System. The Helsinki Process Revisited, 1965–1975 / Ed. by A. Wenger, V. Mastny, C. Nuenlist. London, New York: Routledge, 2008. 276 p.
115. Wrede H.-H. KSZE in Wien. Kursbestimmung für Europas Zukunft. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1990. 275 S.
116. Zagorski A. Die menschliche Dimension der KSZE, die Sowjetunion und Russland / Institut für Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universität Hamburg. Hamburger Beiträge zur Friedensforschung und Sicherheitspolitik, Heft 65. Hamburg, 1992. S. 48–49.
117. Zagorski A. Moskau und die menschliche Dimension der KSZE im Wettstreit: von Wien bis Kopenhagen (1989–1990) // *OSZE-Jahrbuch*. 2005. S. 49–63.

References (transliterated):

1. Alekseeva L. Istoriya inakomyshlyi v SSSR: Noveishii period. M.: Moskovskaya Khel'sinskaya gruppa, 2012. 384 s.
2. Argumenty i fakty.
3. Bor'ba za mir v svete kriminalistiki // *Vek XX i mir*. 1990. № 7.
4. Burlatskii F. Glotok svobody. V 2 kn. Kn. 2. M.: Kul'tura, 1997. 464 s.
5. Vedomosti s"ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR. M., 1991. № 24.
6. *Vek XX i mir*. 1989. № 4, 5.
7. Verkhovnyi Sovet SSSR. Vtoraya sessiya. Stenograficheskii otchet. 1989. № 27.
8. Verkhovnyi Sovet SSSR. Chetvertaya sessiya. Stenograficheskii otchet. 1990. № 5.
9. Vesti iz SSSR: Prava cheloveka = USSR News Brief: Human Rights / Sost. K. Lyubarskii. Myunkhen: Das Land und die Welt, 1987, 1988, 1989.
10. Vestnik Ministerstva inostrannykh del SSSR. 1987. № 1.
11. Vneocherednoi tretii s"ezd narodnykh deputatov SSSR. 12–15 marta 1990 g. Stenograficheskii otchet. T. 3. M., 1990.
12. Vorotnikov V. A bylo eto tak... Iz dnevnika chlena Politbyuro TsK KPSS. M.: Kniga i biznes, 2003. 638 s.
13. Vstupitel'noe zayavlenie chlena Politbyuro TsK KPSS, ministra inostrannykh del SSSR E. A. Shevardnadze na venskoj vstreche predstavitelei gosudarstv – uchastnikov Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope. 5 noyabrya 1986 g. // SSSR v bor'be za bezopasnost' i sotrudnichestvo v Evrope 1964–1987. Sbornik dokumentov / Sost. L. F. Il'ichev i dr. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. S. 441–448.
14. Vypiska iz protokola № 171 zasedaniya Politbyuro TsK KPSS ot 15 noyabrya 1989 g. // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii. F. 89. Op. 9. D. 52.
15. Vystuplenie pervogo zamestitelya ministra inostrannykh del SSSR A. G. Kovaleva na plenarnom zasedanii venskoj vstrechi predstavitelei gosudarstv – uchastnikov Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope // SSSR v bor'be za bezopasnost' i sotrudnichestvo v Evrope 1964–1987. Sbornik dokumentov / Sost. L. F. Il'ichev i dr. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. S. 451–455.
16. Glasnost'. 1987. № 5.
17. Gorbachev M. S. Perestroika i novoe myshlenie dlya nashei strany i dlya vsego mira. M.: Politizdat, 1988. 271 s.
18. Gorbachev M. S. Zhizn' i reformy. T. 1, 2. M.: Novosti, 1995.
19. Grachev A. S. Kremlevskaya khronika. M.: Eksmo, 1994. 265 s.

20. Dobrynin A. Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SShA (1962–1986 gg.). M.: Avtor, 1997. 688 s.
21. Dokument Bonnsoi konferentsii // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.osce.org/ru/eea/14086> (data obrashcheniya: 17 marta 2015).
22. Dubinin Yu. Vospominaniya. Khel'sinki-1975. Detali istorii // Voprosy istorii. 1995. № 11–12. S. 101–119.
23. Zagorskii A. V. Khel'sinskii protsess: peregovory v ramkakh Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, 1972–1991 gg. M.: Prava cheloveka, 2005. 447 s.
24. Zaklyuchitel'nyi akt // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (data obrashcheniya: 12 marta 2015).
25. Izvestiya.
26. Itogovyi dokument Venskoj vstrechi 1986 goda predstavitelei gosudarstv – uchastnikov Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, sostoyavsheisya na osnove polozhenii Zaklyuchitel'nogo akta, odnosyashchikhsya k dal'neishim shagam posle soveshchaniya // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.osce.org/ru/mc/40885?download=true> (data obrashcheniya: 19 marta 2015).
27. Kashlev Yu. B. Mnogolikaya diplomatiya. Ispoved' posla. M.: Izvestiya, 2004. 360 s.
28. Kashlev Yu. B. Obshcheevropeiskii protsess: vchera, segodnya, zavtra. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 184 s.
29. Kozodoi V. Dvizhenie sibirskikh «neformalov» v 1986–1990 gg. // Voprosy istorii. 2007. № 12. S. 28–43.
30. Kolleksiya pisem sovetskikh grazhdan k narodnym deputatam SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 10031. Op. 1. D. 11.
31. Kolleksiya pisem sovetskikh grazhdan k narodnym deputatam SSSR // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 10007. Op. 1. D. 29.
32. Komsomol'skaya pravda.
33. Kudryavtsev V. Dva mira – dve kontseptsii prav cheloveka // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1986. № 1. S. 24–33.
34. Lozo I. Avgustovskii putch 1991 goda. Kak eto bylo. M.: ROSSPEN, 2014. 462 s.
35. Moskovskie novosti.
36. Neformaly. Kto oni? Kuda zovut? / Sost. V. A. Pechenev, V. I. V'yunitskii. M.: Politizdat, 1992. 332 s.
37. Neformaly. Kto est' kto? / Sost. A. Gromov, O. Kuzin. M.: Mysl', 1990. 269 s.
38. Neformal'naya Rossiya. O neformal'nykh politizirovannykh dvizheniyakh i gruppakh v RSFSR (opyt spravochnika) / Sost. V. N. Berezovskii, N. I. Krotov. M.: Molodaya gvardiya, 1990. 382 s.
39. Novodvorskaya V. Po tu storonu otchayaniya. M.: Novosti, 1993. 268 s.
40. Novoe vremya. 1987. № 42.
41. O rezul'tatakh raboty po preduprezhdeniyu terroristicheskikh proyavlenii na territorii SSSR, 1988 // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii. F. 89. Op. 51. D. 12.
42. O vnesenii dopolnenii v Polozhenie o v'ezde i o vyezde iz Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik // Sobranie postanovlenii pravitel'stva SSSR. 1986. № 31.
43. O namerenii antiobshchestvennykh elementov provesti v Moskve tak nazyvaemyi «seminar po pravam cheloveka» // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii. F. 89. Op. 19. D. 37. L. 5.
44. Ob osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya i ugolovnoi otvetstvennosti ot del'nykh kategorii lits // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii. F. 89. Op. 18. D. 111.
45. Obshchestvennye samodeyatel'nye dvizheniya: problemy i perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov / Sost. E. Suslova. M.: NIIK, 1990. 447 s.
46. Otchet o rabote Komiteta gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR za 1985 god // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii. F. 89. Op. 51. D. 7.
47. Parizhskaya khartiya dlya novoi Evropy // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39520?download=true> (data obrashcheniya: 26 fevralya 2015).
48. Pervyi s'ezd narodnykh deputatov SSSR. 25 maya – 9 iyunya 1989 g. Stenograficheskii otchet. V 6 t. M., 1989.
49. Po voprosu o stat'yakh 70 i 190/1 UK RSFSR // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii. F. 89. Op. 18. D. 116. L. 2–3.
50. Postanovlenie TsK KPSS. O direktivakh delegatsii SSSR na soveshchaniie ekspertov gosudarstv – uchastnikov SBSE po pravam cheloveka i drugikh voprosakh, svyazannykh s ee povedeniem (Ottava, 23 aprelya – 18 iyunya 1985 g.) // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii. F. 89. Op. 19. D. 27.
51. Pravda.
52. Rossiya: partii, assotsiatsii, soyuzy, kluby. Sbornik materialov v 10 knigakh / Sost. V. Berezovskii, N. Krotov, V. Solovei, V. Chervyakov. M.: Rau-press, 1993.
53. Russkaya mysl'.
54. SSSR v bor'be za bezopasnost' i sotrudnichestvo v Evrope 1964–1987. Sbornik dokumentov / Sost. L. F. Il'ichev i dr. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. 543 s.
55. Sovetskaya kul'tura.
56. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1990. № 5.
57. Strukova E. Al'ternativnaya periodicheskaya pechat' v istorii rossiiskoi mnogopartiinosti (1987–1996). M.: Istoricheskaya biblioteka, 2005. 309 s.
58. Shevardnadze E. Kogda rukhnul zheleznyi zanaves. Vstrechi i vospominaniya. M.: Evropa, 2009. 428 s.
59. Shevardnadze E. Moi vybor. V zashchitu demokratii i svobody. M.: Novosti, 1991. 368 s.
60. Shubin A. Predannaya demokratiya. SSSR i neformaly 1986–1989. M.: Evropa, 2006. 344.

61. Ekspress-khronika. 1987. № 10.
62. Yakovlev A. Sumerki. M.: Materik, 2005. 670 s.
63. Adamishin A., Schifter R. Human Rights, Perestroika, and the End of the Cold War. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2009. 297 p.
64. Adamishin A. The Final Act: Is The Curtain Coming Down? // Russia in Global Affairs. 2005. № 3 // [Elektronnyi resurs] – URL: http://eng.globalaffairs.ru/number/n_5350 (data obrashcheniya: 29 marta 2015).
65. Adler N. Victims of Soviet Terror. The Story of the Memorial Movement. London: Westport; Praeger Publishers, 1993.
66. Åslund A. Gorbachev's Struggle for Economic Reform. The Soviet Reform Process 1985–1988. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1989. 269 p.
67. Basket I – Implementation of the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe: Findings Eleven Years after Helsinki. Report submitted to the Congress of the United States by the Commission on Security and Cooperation in Europe. Vol. 2. November 1986.
68. Boettke P. J. Why Perestroika Failed. The Politics and Economics of Socialist Transformation. London: Routledge, 1993. 208 p.
69. Europe and the End of the Cold War. A Reappraisal / Ed. by F. Bozo, V.-P. Rey, P.P. Ludlow, L. Nuti. London, New York: Routledge, 2008. 304 p.
70. From Helsinki to Belgrade – The First CSCE Follow-up Meeting in Belgrade 1977/1978 / Ed. by V. Bilandžić, M. Kosanović. Göttingen: V&R Unipress, 2012. 334 p.
71. The Human Dimension of the Helsinki Process. The Vienna Follow-up Meeting and Its Aftermath / International Studies in Human Rights, 20 / Ed. by A. Bloed, P. Dijk van. Dordrecht: Springer Netherlands, 1991. 336 p.
72. Bloed A. A New CSCE Human Rights «Catalogue»: The Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE // The Human Dimension of the Helsinki Process. The Vienna Follow-up Meeting and Its Aftermath / International Studies in Human Rights, 20 / Ed. by A. Bloed, P. Dijk van. Dordrecht: Springer Netherlands, 1991. P. 54–71.
73. Davy R. Helsinki Myths: Setting the Record Straight on the Final Act of the CSCE, 1975 // Cold War History. 2009. Vol. 9. № 1. P. 1–22.
74. Document of the Stockholm Conference // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.osce.org/fsc/41238> (data obrashcheniya: 25 marta 2015).
75. The Destruction of the Soviet Economic System: An Insiders' History / Ed. by M. Ellman, V. Kontorovich. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1998. 352 p.
76. Eggleston R. Soviets Saying Little about Moscow Conference // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 23. 1987. RL 214.
77. Eggleston R. USSR Reverting to Hard Line at Vienna Talks // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 14. 1987. RL 128.
78. Eggleston R. USSR to give Details of Proposed Moscow Conference // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 26. 1987. RL 241.
79. Eggleston R. Problems in Moscow Said to be Delaying Conference Proposal // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 30. 1987. RL 291.
80. Eggleston R. Question Mark over Moscow Humanitarian Conference // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 23. 1988. RL 239.
81. Eggleston R. NATO Allies Drawing up Conditions for Moscow Conference // Radio Free Europe / Radio Liberty, Radio Liberty Research Bulletin. № 48. 1988. RL 517.
82. Esterik van C., Minnema H. The Conference that Came in from the Cold // The Human Dimension of the Helsinki Process. The Vienna Follow-up Meeting and Its Aftermath / International Studies in Human Rights, 20 / Ed. by A. Bloed, P. Dijk van. Dordrecht: Springer Netherlands, 1991. P. 1–29.
83. Goldberg P. The Final Act. The Dramatic, Revealing Story of the Moscow Helsinki Watch Group. New York: William Morrow & Co, 1988. 320 p.
84. Gorbatschow M. Gipfelgespräche. Geheime Protokolle aus meiner Amtszeit. Berlin: Rowohlt, 1993. 344 S.
85. Gibbs J. Gorbachev's Glasnost. The Soviet Media in the First Phase of Perestroika. Texas A&M University Press, 1999. 168 p.
86. Hanson P. The Rise and Fall of the Soviet Economy. An Economic History of the USSR from 1945. London: Longman, 2003. 292 p.
87. Heitman S. The Third Soviet Emigration, 1948–1991 // Refuge: Canada's Periodical on Refugees. 1993. Vol. 13. № 2. P. 5–13.
88. In the Spirit of the Vienna Process // Open Society Archive (Budapest). Fond 318. Series 3. Box 80.
89. Korey W. The Promises we keep. Human Rights, the Helsinki Process, and American Foreign Policy. New York: St. Martin's Press in association with the Institute for East-West Studies, 1993. 529 p.
90. Kashlev Yu. The Lessons of Bern – Who Is against Contacts // International Affairs. 1986. № 10. P. 39–45.
91. Lehne S. The Vienna Meeting of the Conference on Security and Cooperation in Europe, 1986–1989. A Turning Point in East-West Relations. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press Inc., 1991. 224 p.
92. Luchterhandt O. The CSCE Norms on Religious Freedom and their Effects on the Reform of Soviet Legislation on Religion // The Human Dimension of the Helsinki Process. The Vienna Follow-up Meeting and Its Aftermath / International Studies in Human Rights, 20 / Ed. by A. Bloed, P. Dijk van. Dordrecht: Springer Netherlands, 1991. P. 162–185.
93. Maresca J. J. To Helsinki. The Conference on Security and Cooperation in Europe 1973–1975. Durham: Duke University Press, 1985. 530 p.
94. Mastny V. The Helsinki Process and the Reintegration of Europe, 1986–1991. Analysis and Documentation. New York: New York University Print, 1992. 343 r.
95. Matlock J. F. Jr. Autopsy on an Empire. The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. New York: Random House, 1995. 836 p.

96. Nichol J. P. *Perestroika of the Soviet Ministry of Foreign Affairs during the Gorbachev Period*. Amherst: University of Massachusetts at Amherst, 1988.
97. Novak M. *Taking Glasnost Seriously. Toward an Open Soviet Union*. Washington: Aei Press, 1988. 206 p.
98. Peter M., Wentker H. «Helsinki-Mythos» oder «Helsinki-Effekt»? Der KSZE-Prozess zwischen internationaler Politik und gesellschaftlicher Transformation. Zur Einleitung // Peter M., Wentker H. (Hrsg.). *Die KSZE im Ost-West-Konflikt. Internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990*. München: Oldenborug, 2012. S. 1–14.
99. Rey M.-P. *Gorbachev's New Thinking and Europe, 1985–1989 // Europe and the End of the Cold War: A Reappraisal / Ed. by F. Bozo, V.-P. Rey, P.P. Ludlow, L. Nuti*. London, New York: Routledge, 2008. P. 23–35.
100. Rey M.-P. «Europe Is Our Common Home»: A Study of Gorbachev's Diplomatic Concept // *Cold War History*. 2004. Vol. 4. № 2. P. 33–65.
101. Romano A. *Détente, Entente, or Linkage? The Helsinki Conference on Security and Cooperation in Europe in U.S. Relations with the Soviet Union // Diplomatic History*. 2009. Vol. 33. № 4. P. 703–722.
102. Roth P. *Glasnost und Medienpolitik unter Gorbatschow / Demokratische Verantwortung*, Bd. 13/14. Bonn: Studiengesellschaft für Zeitprobleme e.V., 1990. 365 S.
103. Risch J. *Russen und Amis im Gespräch. Die sowjetisch-amerikanische Telebrücke (1982–1989). Ein vergessener Beitrag zur Beendigung des Kalten Krieges*. Berlin: Saxa, 2012. 82 S.
104. Saal von Y. *KSZE-Prozess und Perestroika in der Sowjetunion: Demokratisierung, Werteumbruch und Auflösung*. München: Oldenbourg, 2014. 404 S.
105. Snyder S. *Human Rights Activism and the End of the Cold War: A Transnational History of the Helsinki Network / Human Rights in History*. Sambridge: Cambridge University Press, 2011. 304 p.
106. Snyder S. *The Foundation for Vienna: A Reassessment of the CSCE in the mid-1980s // Cold War History*. 2010. Vol. 10. № 4. R. 493–512.
107. *Statement by Ambassador Yuri B. Kashlev, Head of Delegation of USSR, at the Paris Meeting of the CDH, June 1, 1989 // Open Society Archive (Budapest). Fond 318. Series 6. Box 2 (CSCE: Conference on the Human Dimension, Paris; Statements, 1989)*.
108. *Statement by the Head of the USSR Delegation, Ambassador Yuri B. Kashlev, at the Plenary Session of the Vienna Meeting 24 July 1987 // Open Society Archive (Budapest). Fond 318. Series 5, Box 11*.
109. *Statement by Ambassador Warren Zimmermann // Open Society Archive (Budapest). Fond 318. Series 5. Box 11*.
110. Thomas D. C. *The Helsinki Effect. International Norms, Human Rights, and the Demise of Communism*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2001. 324 p.
111. Tschernajew A. *Die letzten Jahre einer Weltmacht. Der Kreml von innen*. Stuttgart: Dva, 1993. 479 S.
112. *Neformaly. Civil Society in the USSR / U.S. Helsinki Watch Committee. A Helsinki Watch Report, 1990*.
113. Villaume P., Westad O. A. *Perforating the Iron Curtain. European Détente, Transatlantic Relations, and the Cold War, 1965–1985*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2010. 272 p.
114. *Origins of the European Security System. The Helsinki Process Revisited, 1965–1975 / Ed. by A. Wenger, V. Mastny, C. Nuenlist*. London, New York: Routledge, 2008. 276 p.
115. Wrede H.-H. *KSZE in Wien. Kursbestimmung für Europas Zukunft*. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1990. 275 S.
116. Zagorski A. *Die menschliche Dimension der KSZE, die Sowjetunion und Russland / Institut für Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universität Hamburg. Hamburger Beiträge zur Friedensforschung und Sicherheitspolitik, Heft 65*. Hamburg, 1992. S. 48–49.
117. Zagorski A. *Moskau und die menschliche Dimension der KSZE im Wettstreit: von Wien bis Kopenhagen (1989–1990) // OSZE-Jahrbuch*. 2005. S. 49–63.